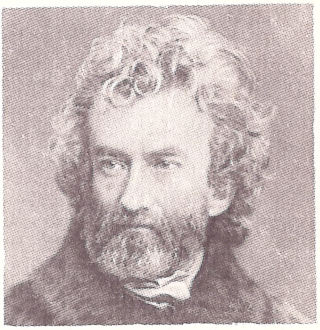
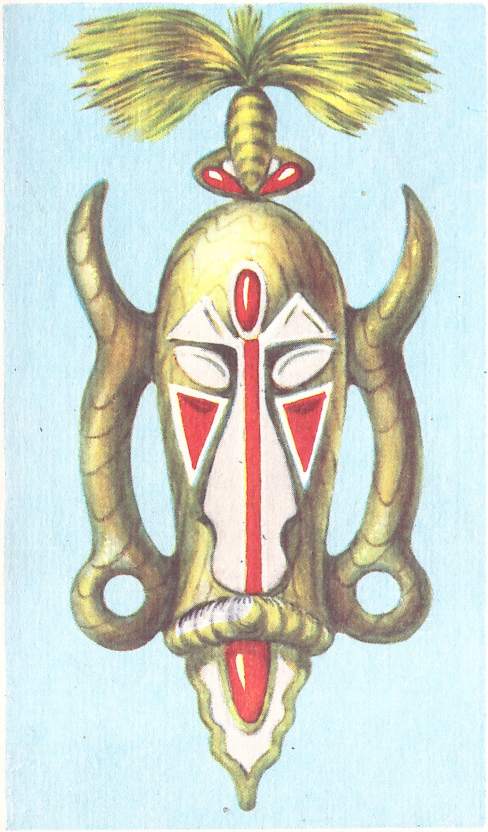
Люди науки

Р. К. БАЛАНДИН

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ





Люди науки

Р. К. БАЛАНДИН

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Книга для учащихся

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1985

ББК 26.8 г
Б20

Рецензенты:

кандидат исторических наук *В. М. Бахта*,
учитель географии *Е. Г. Капустина*.

Рисунки автора

Баландин Р. К.

Б20 Н. Н. Миклухо-Маклай: Кн. для учащихся.— М.: Просвещение, 1985.—96 с., ил.—(Люди науки).

Книга рассказывает о жизни, путешествиях и научных достижениях замечательного русского ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Он был не только мужественным путешественником, но и оригинальным мыслителем. Занимаясь географией, антропологией, этнографией, Миклухо-Маклай оставался прежде всего гуманистом, защитником угнетенных, честным и благородным человеком. Читатель узнает о том, как идеи Миклухо-Маклая продолжают жить и развиваться в потоке современной научной мысли.

Б $\frac{4306020000-327}{103\ (03)-85}$ 169—85

ББК 26.8 г
91(09)

© Издательство «Просвещение», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ.
ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ.

Люди издавна предполагали, что на других планетах могут быть разумные существа. Об этом, например, писал в конце средневековья мудрый Николай Кузанский, а позже — философ Джордано Бруно.

Но только за последние десятилетия появились приборы, позволяющие прослушивать и просматривать космические дали в поисках сигналов инопланетян. Созданы аппараты, детально обследующие небесные тела. Следы иных цивилизаций все еще не обнаружены. Однако ученые продолжают поиски.

Нередки предостережения: не следует искать встреч с неведомыми обитателями других миров; столкновение земной и внеземной цивилизации может иметь ужасные последствия. Фантаст-мыслитель, в начале века предвидевший создание атомной бомбы, Герберт Уэллс одним из первых описал кровопролитную «борьбу миров». На Западе появилась серия кинофильмов о космических войнах.

И все-таки уходят во Вселенную позывные с Земли. Мы надеемся услышать дружеский ответ собратьев по разуму. Верим: разум — это прежде всего источник добрых дел и созидания, залог единства мыслящих существ...

Читатель может усомниться: какая связь между современными поисками внеземных цивилизаций и жизнью Миклухо-Маклая, вряд ли думавшего всерьез о жителях иных миров? Не слишком ли сомнительны подобные сопоставления?

На мой взгляд, в наши дни приходится по-новому осмысливать наследие прошлого. Впрочем, так бывает всегда. Каждое поколение видит мир чуточку (а то и существенно) по-своему, потому что меняются и люди, и мир вокруг. Прошлое открывается нам по-новому, как путнику, восходящему в гору, по-новому видятся не только дальние горизонты, но и пройденный путь.

Глава 1. КОНТАКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.

В знойный полдень 19 сентября 1871 г. русский трехмачтовый корвет «Витязь» приблизился к восточному берегу Новой Гвинеи у залива Астролябия.

Полный штиль. Шли под парами. Дым, как длинный черный флаг, тянулся за высокой трубой.

На следующее утро продолжали медленно продвигаться вдоль берега. Вдали за пологими холмами, сплошь покрытыми пышной растительностью, круто вздымались горы; вершины их срезались облаками, в глубине которых беззвучно вспыхивали молнии. Из прибрежного леса то тут, то там поднимались тонкие сизые дымки.

Капитан корвета Павел Николаевич Назимов поднялся на палубу. Подошел к стоящему у борта невысокому, щуплому пассажиру со странной фамилией Миклухо-Маклай, спросил:

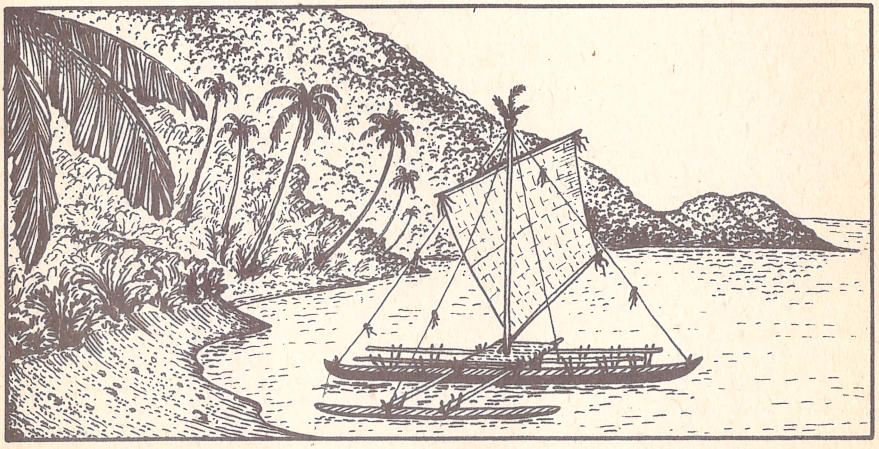


Рис. 1. Парусная лодка папуасов.

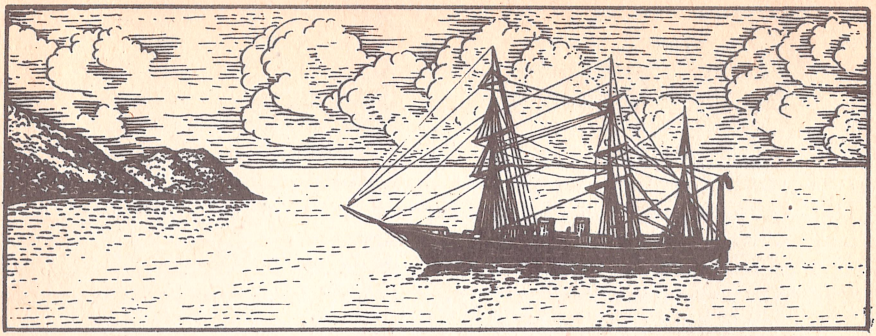


Рис. 2. «Витязь» у берегов Новой Гвинеи.

— Где вы желаете быть высаженным?

Офицер, изучающий в подзорную трубу берег, доложил:

— Вижу бегущих дикарей... Скрылись в лесу.

— Если не возражаете, Павел Николаевич,— ответил Миклухо-Маклай,— я высажусь здесь.

— Вашу лодку,— ответил капитан,— будет сопровождать катер с вооруженной командой.

— Ни в коем случае!

— Извините, но мне непозволительно рисковать своими людьми. Вероломство местных каннибалов известно.

— Понимаю вас,— Миклухо-Маклай тряхнул темно-русыми кудрями.— Поэтому позвольте мне отправиться в лодке со своими двумя слугами.

— Воля ваша,— пожал плечами Назимов.

Корвет медленно входил в залив, названный именем корабля, на котором в 1827 г. французский мореплаватель капитан Дюмон-Дюрвиль первым прошел мимо этих берегов.

Офицер, не отрываясь от подзорной трубы, произнес:

— Готов держать пари, что местные охотники за черепами очень любят людей... Особенно в поджаренном виде.

В этот день жители деревень Горенду, Бонгу, Богатим находились в чрезвычайном возбуждении. Вдали на границе моря и неба возник дым.

Дым из моря густел, приближался. Что это? Кто-то сказал нараспев: «Это конец света. Наступает конец света. Из-за моря явились великие духи предков».

Да, наступал конец света. Что делать? Неизвестно. Огромная лодка — страшилище!— приближалась, извергая дым. Самые нетерпеливые мужчины стали убивать свиней и собак. Решили принести жертвы духам предков. Вид мяса отвлек от страшных предчувствий. Подождав некоторое время, распалили костры и принялись жарить мясо: если уж конец света, то хоть поесть вдоволь — не оставлять же еду!

Некоторые семьи направились к горам, прячась от неведомых пришельцев. Другие готовили себе неглубокие могилы, чтобы достойно встретить погибель.

Дымящее чудовище остановилось недалеко от берега. На нем стояли люди... Нет — духи! У людей не бывает такой белой кожи. Значит, вернулся Ротей, великий прародитель?

Группа мужчин из Горенду (тамо-горенду)[1], таясь за деревьями, подкралась к самому берегу. Они несли с собой кокосовые орехи. Выйти из-за деревьев осмелился один Туй. Он крадучись подошел к морю, положил на песок два ореха, указал на них руками и поспешно отступил в спасительную лесную чащу.

— Павел Николаевич,— подошел Миклухо-Маклай к капитану,— настала пора мне проведать будущих соседей. Приглашают,— он кивнул в сторону берега.

Назимов приказал приготовить шлюпку. В нее спустились Маклай и его слуги: Ульсон, бывший китобой, ставший на Таити «бичкомбером», «бичом», портовым бродягой, и полинезиец Бой. Все — безоружные.

Приблизились к берегу. Волны, едва заметные в море, на мелководье сильно раскачивали шлюпку. Пристать к берегу оказалось непросто.

Из-за кустов выступил мускулистый папуас и, замахиваясь копьем, левой рукой как бы отстранял незваных гостей. Миклухо-Маклай показал туземцу разноцветные тряпки. В ответ среди деревьев возникла дюжина мужчин, вооруженных дрекольем. Миклухо-Маклай, бросив тряпки в воду, приказал отплыть назад. Тотчас несколько туземцев вплавь поспешили за лоскутами.

Туй выступил навстречу приближавшейся лодке и грозно замахал копьем. Он весь дрожал от страха. Духи очень походили на людей. Они плыли, как люди, только лицами были белые, как высушенные черепа.

Пришельцы не имели оружия. Они не хотели зла тамо-горенду. Они даже не ступили на берег. Они вернулись на свою огромную лодку. Тогда Туй поспешил в деревню, чтобы успокоить тех, кто боялся конца света или хотел убежать в горы.

На корвете Миклухо-Маклай узнал, что туземцев видели на соседнем участке берега. Отправившись в указанное место, он обнаружил уютную и красивую бухточку, где среди сплошной стены зелени выступала полоса белого песка, переходящая в тропинку.

Поспешно спрыгнув на сушу, путешественник без раздумий направился в лес. Среди пальм показалось несколько крыш. Здесь была площадка, хорошо утоптанная, окруженная пестро-

---

[1] Папуасы не говорили просто «человек» /тамо/, а обязательно уточняли, из какого племени человек или из какого селения.

лиственными кустарниками и пальмами, среди которых располагались хижины с крышами почти до земли. Светлые сухие листья пальм на крышах живописно выделялись на темно-зеленом фоне леса. Лес был удивительно хорош, истинное воплощение гармонии приятного с полезным: бананы, пандануса, хлебные деревья, ореховые и кокосовые пальмы, и тут же — ярко-пунцовые китайские розы, желто-зеленые и оранжевые листья кратонов и колеусов.

Заходящее солнце мягко освещало поляну. Слышались крики птиц. Все вокруг представлялось нереальным и чуждым, как сновидение.

На площадке тлел костер. Виднелись следы недавнего пребывания людей: двери некоторых хижин распахнуты; половинка недоеденного кокосового ореха, одно небольшое весло... В хижине на полу — дымящийся очаг, глиняный горшок, связка раковин и перьев; под крышей, почерневшей от копоти, висел человеческий череп.

Послышался шорох. Оглянувшись, Миклухо-Маклай увидел туземца, словно выросшего из-под земли. Взгляды их встретились. Туземец опрометью бросился в кусты. За ним устремился Миклухо-Маклай, размахивая красным лоскутом. Дикарь остановился. Он едва сдерживал дрожь. У пришельца не было оружия. Он медленно приближался. Миклухо-Маклай протянул красный лоскут. Туземец принял подарок и повязал его себе на голову. Он был среднего роста, темно-шоколадного цвета с матово-черными курчавыми волосами, широким сплюснутым носом, крупными надбровными дугами, густой, недлинной бородой. Весь его костюм состоял из тряпки толщиной в ладонь и двух браслетов из плетеной сухой травы над локтями. За один браслет был заткнут лист бетеля, за другой — тонкий костяной нож. Выражение лица было довольно симпатичным.

Туй, стоящий лицом к лицу с белым человеком-духом, испытывал острейшее любопытство и ужас. Что ожидать от неведомого существа: великих бед или благодеяний? Неизвестно.

Пришельцы были непостижимы. Они отдаленно напоминали людей. Но говорили невнятно, щебетали, как птицы, имели странные вещи и скрывали свои тела. Холодный взгляд светлых глаз вызывал непреодолимый страх.

И все-таки Туй решил рискнуть. Он отчаянно шагнул в неведомое. (Подобных смельчаков, идущих навстречу неизвестному, чтобы познать его, называют первооткрывателями.)

Пришелец не хотел зла. Он протягивал подарок. Подарок — залог дружбы. Надо его взять и показать свое удовлетворение. А что теперь? Пришелец взял Туя за руку и тихонько потянул в сторону деревни... Надо сопротивляться. Но не очень сильно, чтобы не разгневать духа.

Рис. 3. Саул — папуас из деревни Бонгу/по рис. Миклухо-Маклая/.

В деревне стоял еще один белый и один настоящий тамо, только покрытый тряпками, как все духи. Они вместе. Это хорошо. А если это плохо?

Миклухо-Маклай заметил, что из-за деревьев и кустов показались туземцы, напряженно следящие за пришельцами. Пришлось подходить к каждому из них, брать за руку и тащить на площадку. Устав от этой дипломатической процедуры, путешественник уселся на камень и стал дарить гостинцы: бусы, гвозди, полоски материи, рыболовные крючки. Металлические предметы местные жители разглядывали с недоумением. Подарки принимали безотказно. Своим обликом туземцы заметно различались между собой. Некоторые были вооружены каменными топорами и большими луками (стрелы — более метра).

Солнце уже село. Пора было возвращаться на корвет. Хозяева проводили гостей до лодки, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких визжащих и крепко связанных поросят. Указывая на пироги и на корвет, Миклухо-Маклай пригласил своих новых знакомых последовать за ним.

Пришелец звал тамо-горенду за собой. Как поступить? «Надо его слушаться»,— сказал Туй. «Они нас убьют»,— ответили ему. И еще: «Они нас зарежут, как свиней, и съедят».

И все-таки четверо решились. Спустили лодку, отправились за белым человеком. Вскоре всех охватил страх. Но взгляд пришельца и его властные жесты заставили покориться.

На большой лодке много-много белых людей. Они смеются. Что их радует? Встреча с тамо-горенду? Что они собираются делать?

На корвете продолжали внимательно разлядывать берег.

Из-за мыска показалась группа папуасов. Они несли плоды и поросенка, привязанного к шесту, вели двух собак. Туземцы сложили подарки на берег, убили собак и удалились в лес.

Моряки на вельботе подошли к берегу, забрали подарки, оставив корзину с гвоздями, веревками, пустыми бутылками, разноцветными лоскутами. Поросенок, выпущенный на палу-

бу, метался в кругу смеющихся матросов, прорвался к борту и прыгнул в море. Пришлось его спешно вылавливать. Тушку собаки (местное лакомство?) использовали как приманку, поймав на нее крупную акулу.

Миновал час, другой, третий. Наконец, на берегу показалась странная процессия: голые люди вперемежку с одетыми. Не поймешь, кто кого привел и для чего.

Вскоре все выяснилось. Миклухо-Маклай вернулся на корабль с четырьмя туземцами: все невысокие, курчавые, с палочками в носах и браслетами выше локтей. На шее каждого небольшая сумочка из кокосовых ниток — вроде переносных кармашков.

Рис. 4. Папуас с берега Маклая /по рис. Миклухо-Маклая/.

Дикари постепенно осваивались. Офицеры пригласили их в кают-компанию, угостили чаем, подарили разные вещи. Видно было, что туземцы все еще испуганы. Они покинули корабль с явным облегчением, поспешно спустились по трапу в свою лодку и быстро погребли прочь.

На родном берегу смельчаков встречали тамо-горенду (люди из Горенду) и соседи, тамо-богатим и тамо-бонгу. Стало ясно, что пришельцы не желают причинять зла. Однако никто так и не мог понять, что им надо здесь и что они предпримут дальше. После ясного дня может хлынуть ливень, тихая ночь сменяется внезапным ураганом. Можно ли предугадать волю могучих духов?

Прошли сутки. Был день рождения генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. По случаю полагался торжественный молебен и салют. Подняли сигнальные флажки.

Не меньше дюжины туземцев прибыло на корабль. Любопытство победило страх. Многое им было в диковинку: ни металлов, ни стекла, ни зеркал они не знали.

Миклухо-Маклай заранее отправился к своим новым друзьям и соседям, чтобы по возможности смягчить воздействие орудийной пальбы на местных жителей.

В тот день тамо-богатим и тамо-бонгу отправились на большую лодку белых людей. Они очень боялись. Встретили их хо-

рошо, накормили, дали подарки. Белые люди пели свои ритуальные песни, а вся большая лодка была очень красивая.

Но вот белые люди встали ровными рядами, крикнули что-то, и вдруг словно небо рухнуло на землю — грянул средь ясного неба оглушительный гром, а за ним еще один и еще ...

Оцепенев от ужаса, тамо поняли: настал конец света. Обитает здесь не добрый дух Ротей, а злой — Бука!

С криками «Бука! Бука!» они побросали подарки и опрометью кинулись за борт.

В момент салюта Миклухо-Маклай входил в деревню Горенду. Он едва успел приблизиться к первой хижине, как грянул залп.

Туземцы испытывали сильнейшее недоумение и страх. Не знали, что делать. То порывались бежать, то падали на землю, затыкая уши и трясясь, как в лихорадке. Не видя никаких реальных последствий необычайного грохота, они чувствовали, что ведут себя нелепо. Но как быть в такой ситуации?

Миклухо-Маклай постарался жестами показать, что ничего страшного не происходит. Папуасы представились ему артистами, изображающими пантомиму. Он не мог сдержать смеха. И это оказалось самым верным средством от страха. Папуасы, взглядывая на него, а затем друг на друга, начали усмехаться. От ужасного до смешного один шаг!

В превосходном настроении он вернулся на корвет. В тот же день было окончательно намечено место его дома. Корабельная команда приступила к очистке площадки, рубке деревьев, установке свай, на которых должна была покоиться вся постройка. Матросам приходилось спешить: заканчивался срок стоянки. Требовалось запастись дровами.

В тропическом лесу зазвучала мерная «Дубинушка»: крупные деревья с трудом выволакивали из чащи.

Хижину поставили небольшую, разгороженную надвое парусиновой перегородкой. Взятых с Таити досок не хватило; часть стен и двери сделали из брезента. Крышу сплели из листьев кокосовой пальмы. На береговых работах участвовали до ста матросов; офицеры делали схемы гавани и промеры глубин.

Бедность снаряжения путешественника и его слуг бросалась в глаза. Складная мебель была, возможно, излишне хороша, но пищи оказалось очень мало, и вовсе отсутствовала лодка. Капитан Назимов выделил часть провизии из корабельных запасов и оставил безвозмездно четырехместный ялик.

Хижину окружили оградой, где установили шесть мин — на всякий критический случай. Один офицер соорудил флагшток, другой — солнечные часы. Хижина была завалена инструментами, снаряжением, провизией. Миклухо-Маклай указал офицерам на дерево, под которым в случае надобности он зароет свои дневники, заметки; на коре дерева вырезали стрелу.

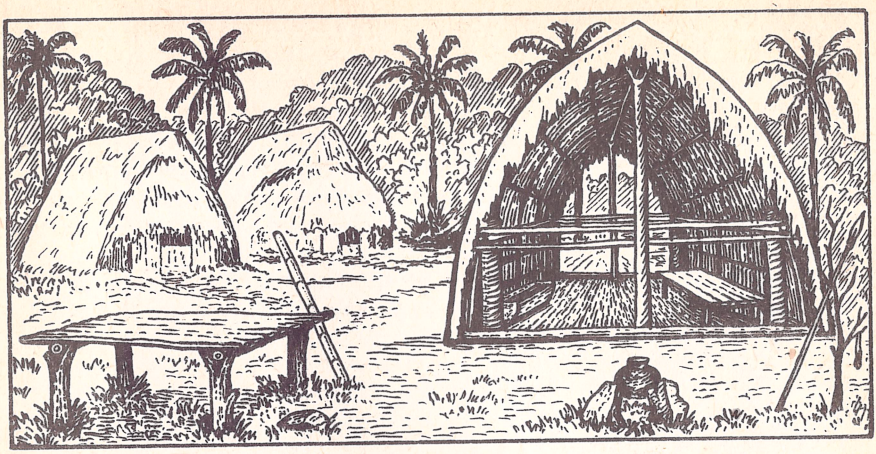


Рис. 5. Деревня на берегу Маклая. Слева барла — деревянный помост, на котором едят и спят. Справа буамрамра — мужской дом.

Туй напряженно следил за тем, что происходило на берегу и в заливе. Кто-то из пришельцев останется. Что будет потом? Неизвестно.

Белый человек не дух. Ему нужен такой же дом, как и всем, такая же пища. Зачем он остается? К нему придут тамо-бонго или тамо-горенду и убьют его. Белый человек вызывает страх. Чтобы избавиться от страха, его убьют. Разве он этого не понимает?

Туй пришел к тамо-русс Маклай и постарался втолковать простую истину. Указал на большую лодку и махнул рукой, указал в сторону деревни, а затем на хижину, которую сломают, и на Маклая, которого убьют. Для полной ясности Туй встал в позу метателя копья, потом подошел к Маклаю, ткнул его в нескольких местах пальцем, высунул кончик языка, закрыл глаза и сделал вид, что падает на землю.

А белый человек ничего не понял и только смеялся в ответ. Где еще найдешь такого глупца! Туй снова попытался предостеречь его, но вновь безуспешно, только получил в подарок блестящую палку, прочную, как камень... Или этот человек не знает, что такое смерть?

Когда корвет направился из бухты в открытое море, массивный Ульсон вдруг обмяк и заплакал. На соседнем мыске показалась группа туземцев, исполнявших какой-то танец. Взглянув на хижину и флаг, они посовещались, что-то крикнули и скрылись.

Надо было немедленно приводить в порядок вещи. Но тут пришел Туй. Без обычного добродушия, довольно бесцеремонно стал осматривать вещи и попытался даже войти в дом. Пришлось остановить его жестом и словом «табу». Зная неско-

Рис. 6. Хижина Миклухо-Маклая в Гаргаси.

лько местных слов, Миклухо-Маклай попросил его принести кокосовых орехов и подарил кусок ткани.

Во второй половине дня из-за кустов выступила группа вооруженных туземцев — из тех, кто плясал на мыске. Миклухо-Маклай пошел к ним навстречу, приглашая их знаками подойти поближе. Часть их, оставив копья и луки около деревьев, приблизились к дому с кокосами и сахарным тростником. Подарив им разные безделушки, хозяин показал, что хочет спать. Они удалились.

Устроили посменную вахту. Лунная ночь была великолепной. Странные звуки слышались отовсюду. Этот загадочный и тревожный мир предстояло постичь не только разумом, но и своей жизнью. Невольно вспоминались высказывания тех путешественников, кто постоянно упоминал о вероломстве, хитрости и жестокости папуасов.

Следующие два дня прошли в полнейшем спокойствии. Благоустраивали дом. Прекрасная погода и благодатная природа вселяли бодрость и спокойствие.

«Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель,— записал Миклухо-Маклай.— Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны, и лес с тропической растительностью — с другой,— оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели». Пришел Туй. Он дал урок папуасского языка. Записав новые слова, хозяин отблагодарил учителя, вручив ему ящик от сигар; Ульсон вдобавок подарил свою старую шляпу. Туй был в восторге и поспешил удалиться, унося роскошный гонорар.

Через час Туй вернулся в сопровождении большой группы туземцев. Впереди выступали двое, несущие поросенка, привязанного к бамбуковой палке; другие несли глиняную посуду (на головах) и кокосовые орехи. Поочередно вручив подарки, они стали рассматривать лежащие около дома предметы, о

которых им рассказывал сметливый Туй. Гости вели себя сдержанно и достойно, как на дипломатическом приеме.

Бой заиграл на губной гармошке. Возле него тотчас образовался кружок. Немудреный наигрыш папуасам явно нравился. К великой радости, они получили в подарок несколько губных гармошек. Принялись упражняться в музыке.

Через час туземцы ушли. Прощаясь, они протягивали левую руку.

Ночью разразилась гроза. Дождь лил как из ведра. Хижина выдержала испытание. Путешественники впервые за эти дни спали спокойно, беззаботно.

...1 октября. В Санкт-Петербурге моросят промозглые осенние дожди. А здесь — ясное летнее утро, теплый влажный воздух, резкие крики тропических птиц.

Миклухо-Маклай решил ближе познакомиться с туземцами. Прежде чем отправиться в деревню, обдумал непростую дилемму: брать или не брать револьвер? Как знать, какой его ожидает прием? Что предпочесть: доверие, непротивление злу насилием или настороженность и готовность к активному сопротивлению?

Помимо подобных соображений, были и более деловые. Револьвер — мощное оружие. В случае нападения нетрудно уложить пять-шесть человек. Так сказать, дорого продать свою жизнь. Только допустим ли такой торг? Какую пользу принесут лишние жертвы? Надо жить, а не сеять смерть. Хорошо вооруженный человек постоянно имеет искушение воспользоваться своею силою. Как часто убийства совершаются из страха, от потери самообладания...

Он взял с собой записную книжку и карандаш. Револьвер оставил дома.

Недолго проплутав в лесу, очутился около какой-то деревни. Слышались мужские и женские голоса. Лицом к лицу столкнулся с мальчиком лет четырнадцати или пятнадцати. Их взгляды встретились. Мальчик стремглав бросился назад в деревню. После громких возгласов — женский визг и полная тишина.

Он вышел на площадку. Здесь стояла группа вооруженных мужчин. Другие, тоже вооруженные, находились поодаль. Дети и женщины исчезли. Несколько человек подняли копья и приготовились метнуть их в пришельца. Позы были решительные и напряженные. Послышались отдельные восклицания. Копья опустились.

Вокруг не было ни одного знакомого лица. Две стрелы просвистели совсем рядом. Стоявшие невдалеке туземцы показали руками на дерево, будто бы стрелы пущены в птицу. Но никакой птицы на дереве не было.

Число туземцев стало прибывать; возможно, явились жи-

тели соседней деревни. Угрюмые, встревоженные физиономии. Оружие в руках. Враждебные взгляды. Зачем пришел сюда этот нарушитель спокойствия? Как избавиться от него?

Все более грозно поднимались копья. Острый наконечник одного из них при молниеносном выпаде едва не вонзился в глаз пришельца. Быстрота и верность руки нападавшего были поразительны. Усталый и смущенный своим до неприличия назойливым визитом гость не успел даже отклонить лицо. Отошел шага на два в сторону, ощущая холодок под ложечкой. Несколько неодобрительных голосов прокомментировали нелюбезный поступок соплеменника.

«Благо, револьвер остался дома,— подумал Миклухо-Маклай.— Иначе я вряд ли хладнокровно отнесся к подобному опыту». Самое лучшее в сложившейся неурядице было оставить в покое встревоженных хозяев. Уйти, показывая свою слабость и ожидая смертельного удара в спину... А что еще остается?..

Разве непротивление — это демонстрация слабости? Напротив! Только сильному по плечу хладнокровие в трудной ситуации. Надо показать, что я доверяю им и не боюсь их.

Гость ко всеобщему недоумению ухватил за угол новую циновку, лежащую у его ног, оттащил ее под пальму в тень и неторопливо улегся, закрыв глаза. Затем привстал, ослабил пояс, расстегнул штиблеты. Хозяева с немалым удивлением разглядывали бесцеремонного и удивительно доверчивого гостя. А он, закрыв глаза, думал, что, пожалуй, лучше умереть во сне, а не в полном сознании, и одному, а не в компании нескольких туземцев. Невдалеке затянула свою жалобную песню какая-то птица, а резкие вскрики быстро летающих лори несколько раз обрывали дремоту. Наконец под стрекот цикад — словно сверестит сверчок за печкой — он незаметно для себя заснул...

Открыл глаза. Несколько безоружных туземцев сидели на корточках возле циновки и разговаривали вполголоса, жуя бетель[1]. Он потянулся и начал приводить в порядок свой костюм. Эта операция позабавила хозяев. Встав, он кивнул головой в разные стороны, церемонно прощаясь, и направился по знакомой тропинке восвояси.

...Вечером зашел Туй и выпросил топор, пообещав вскоре вернуть инструмент. Надо уважать просьбу. Что принесет это испытание на честность?.. Не странно ли, что они с Туем понимают друг друга без помощи языка.

Утром папуасы притащили несколько длинных бамбуковых палок для веранды. Был тут и Туй, однако без топора. Демонстрация гостям книг и рисунков вызвала неожиданный

---

[1] Толченая смесь пряных листьев кустарника из семейства перечных, семян арековой пальмы и извести.

эффект: многие папуасы, увидев портрет человека, встали с намерением уйти. Они попросили поскорее унести книгу в дом.

Сомнения в честности Туя были напрасны. Топор он вернул еще до захода солнца. Получив в подарок зеркало, он тотчас убежал с ним в деревню. Там он, пожалуй, похвалялся подарком; это побудило нескольких туземцев принести бледнолицему соседу кокосовых орехов и сахарный тростник. Ответными подарками были гвозди средней величины и пустая коробочка. Трем туземцам ничего не было предложено, однако они восприняли это обстоятельство спокойно, ничего не требовали, а уходя, не взяли свои дары. Следовательно, они не производят обмена подарками по принципу купли-продажи: ты — мне, я — тебе. К счастью, в этом они остались нецивилизованными.

Отношения с ними нельзя было назвать непринужденными. Очень немногие из них способны выдержать даже несколько секунд взгляд загадочного белого человека. Заходя в хижину, заполненную инстументами и мебелью, они держатся настороженно, боязливо, как бы в ожидании страшных чудес. И реакция у всех разная: одни любознательны и открыты, другие завистливы, третьи неприязненны, а четвертые выражают сильное изумление, точь-в-точь как деревенские мальчишки в России: широко открывают глаза, разевают рот и кладут в него палец или два.

...В соседней деревне праздник. Оттуда доносятся звуки дудки и барабана. Местные дудки оригинальны: из просверленной сбоку и сверху скорлупы маленького кокосового ореха (есть и бамбуковые дудки); большой барабан имеет вид деревянного корыта. В честь праздника лица туземцев окрашены красной охрой, в волосах гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей куски свинины, плоды хлебного дерева, бананы и таро — все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в пальмовые листья.

Вскоре начались визиты туземцев из более дальних деревень. Приплыли под парусом, с плетеным домиком на лодке жители соседнего острова Били-Били. Они с изумлением разглядывали инструменты. Башмаки и полосатые носки привели их в восторг. Островитяне протяжно приговаривали «а-а-а», «е-е-е» и клали палец в рот. Очень обрадовались гостинцам: гвоздям, бусам, тряпкам. (Ульсон досадовал: к чему такая бесплатная расточительность? Если раздавать им все задаром, скоро останемся такими же голыми, как они.)

Гости ушли к морю в отличном расположении духа (чего нельзя было сказать про Ульсона). Через полчаса они столь же весело вернулись, нагруженные кокосами и бананами. Они оставались у хижины до сумерек. Уходя, знаками пригласили на свой остров, показав для убедительности, что гостей там не убьют и не съедят. Такая любезность с их стороны была уте-

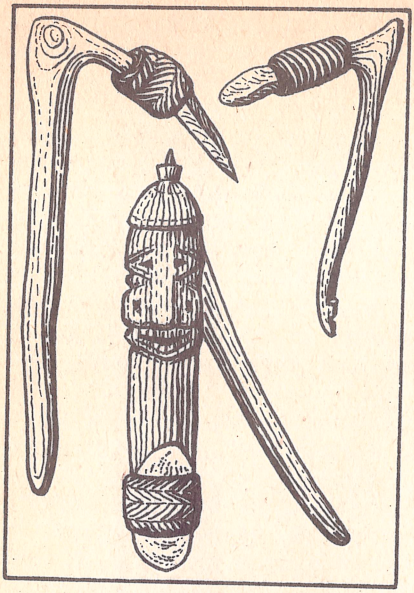


Рис. 7. Топоры папуасов: в центре — с клинком из раковины, два других — из камня; почти все изделия украшены резьбой: с древнейших времен люди стремились не только к пользе, но и к красоте.

шительна. На прощанье они пожимали руку тамо-русс выше локтя, а некоторые, растрогавшись, обнимали его левой рукой и прижимали к груди, повторяя: «О Маклай! О Маклай!»

Через две недели пребывания на Новой Гвинее Маклаю пришлось выдерживать жестокие испытания. Все трое пришельцев поочередно, а то и разом подверглись острым приступам лихорадки, доводящим до бреда и полного изнеможения. Вдобавок сильно досаждали ядовитые насекомые. Бой, как мог, пытался вести хозяйство, Ульсон хандрил, постоянно жаловался. Пришлось больше ухаживать за своими слугами, чем пользоваться их услугами. А ведь надо еще вести научные наблюдения и всячески скрывать от туземцев, что тамо-русс Маклай способен быть больным и слабым.

Удивила сметливость Туя. Видя, как Маклай рисует схему залива Астролябия, он старательно произносил названия деревень и даже уточнял их местоположение. Он вел себя так, словно занятия картографией были для него обычным делом. С неожиданной ловкостью и смекалкой Туй использовал осколок стекла в качестве бритвы, после чего Маклай не сразу узнал своего друга, лишившегося усов и части бороды.

Постоянно шли проливные дожди. Крыша хижины протекла. Приступы лихорадки участились. Бой стал совсем плох.

Однажды ночью Маклай услышал странные стоны. Они раздавались со стороны деревни. Встал, оделся, пошел по тропинке. Испарения, поднимавшиеся от земли, мерцали, как призраки, в тусклом лунном свете. Пение, похожее на вой, было простое, с монотонно повторяемым мотивом. Звуки поднимались и опускались неправильными волнами, под глухие удары большого деревянного барабана барума. Начинаясь тихо, протяжно, напев постепенно рос, усиливался и наконец переходил в почти нечеловеческий вопль, внезапно обрываясь.

Сев на пень, Маклай порой терял ощущение реальности, испытывая томительное чувство тревоги. Неприметно впал в дрему, едва не свалившись с пня. Пришлось возвращаться домой, в постель, так и не дослушав папуасский концерт.

Он продолжает, несмотря на все трудности, вести наблюдения за местными жителями и природными явлениями. Приходилось работать, превозмогая болезнь, на пределе сил. «Это полное напряжение способностей и сил,— записывает он,— во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении, и то редко... Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему...»

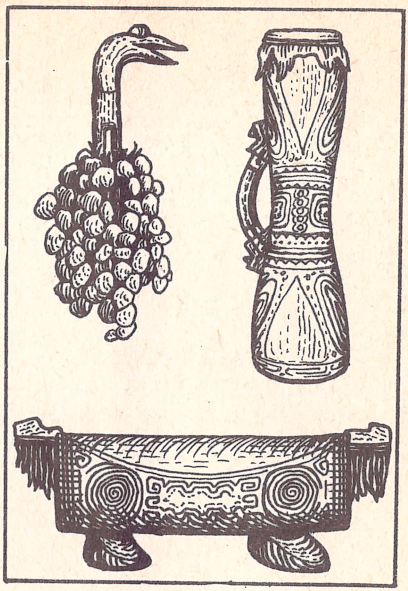


Рис. 8. Погремушка, барабан и /внизу/ сигнальный барабан барум.

Много ли дает цивилизация человеку? Избыток суеты, недостаток свободы, завистливость и самодовольство. Разве мало людей погибает в густо населенных городах от полнейшего жестокого равнодушия окружающих? Мало ли там несправедливости, горестей, преступлений? Конечно, не следует возводить дикого человека на пьедестал. И все-таки факт остается фактом: «Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немыслимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными».

...Прошло два месяца. Полного взаимопонимания и доверия все еще не было. Однажды Маклай попросил оставить на пару дней у себя одного мальчика для прислуги, обещая взамен два ножа. Предложение выслушали со страхом, приказав мальчику бежать скорее в деревню. (Опасались, что Маклай съест ребенка?)

В другой раз Туй серьезно предостерег: Бой скоро умрет, Ульсон слаб, а Маклая убьют люди из Бонгу и Гумбу — много людей. Маклай сделал вид, что принимает слова за шутку. Однако Туй тянул жалостно: «О Маклай! О Маклай!» А еще спросил между прочим, когда придет корвет. Пожалуй, в деревне уже обсуждалась возможность убить пришельца.

Ульсон уверен: Туй шпионит, выведывает все, что может, и при первом удобном случае предаст их. Действительно, поведение Туя порой казалось подозрительным.

В одну из ночей группа вооруженных туземцев с факелами подошла к хижине Маклая. Ульсон разбудил хозяина, взял

ружье и твердил: «Не пускайте их приближаться». Маклай сказал: «Гена» («Иди сюда»)! Пришедшие подбежали к веранде и с криками бросили на площадку несколько рыб. Пристыженный Ульсон собрал подарки. Рыба оказалась очень вкусной...

«Нового нет,— записывает Маклай.— Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка и т. д. и т. п. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много...

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад. Моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей».

Отважному путешественнику суждено еще было изведать немало тягот, горестей, опасностей. И все-таки он остался удовлетворен результатами своих наблюдений. Правда, многое так и не удалось выяснить, изучить. Но главная цель была достигнута: он сблизился с туземцами благодаря доверию к ним, уважению к их достоинству, выдержке, дружелюбию. Он вжился в их немудреный быт, наблюдал их «изнутри», в повседневной жизни, в различных ситуациях. Близкое знакомство с нецивилизованными людьми позволило убедиться в их высоких достоинствах.

«Меня приятно поразили хорошие и вежливые отношения, которые существуют между туземцами, их дружелюбное обращение с женами и детьми. Во все мое пребывание на берегу Маклая мне не случалось видеть ни одной грубой ссоры или драки между туземцами; я также не слышал ни об одной краже или убийстве между жителями одной и той же деревни. В этой общине не было начальников, не было ни богатых, ни бедных, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилия. Легкость добывания средств к существованию не заставляла их много трудиться, почему выражения злобы, ожесточения, досады не имели места. Название, которое я дал целому архипелагу: архипелаг Довольных людей, свидетельствует о том впечатлении, которое произвела на меня мирная жизнь островитян».

...А сейчас мы прервем описание путешествия для того, чтобы лучше понять научное и общечеловеческое значение подобных выводов Миклухо-Маклая.

Глава **2.**

КУЛЬТУРА И ДИКАРИ[1]

Чтобы правильно понять и оценить творчество ученого, следует ознакомиться с эпохой, в которую он жил, а также с историей тех наук, которыми он занимался.

Идеи, подобно реке, находятся в постоянном движении. Одни и те же мысли, переходя из века в век, обновляются, по-новому воспринимаются людьми.

В наши дни люди всерьез задумались о возможной встрече с иными разумными существами Вселенной. А сто лет назад ученых занимал вопрос: находятся ли разные человеческие расы на одном уровне биологического развития? Еще столетием раньше, в середине XVIII в., философы рассуждали: каков человек в естественной природной среде и как он меняется с развитием культуры, техники, знаний?.. Обсуждались проблемы контактов цивилизаций, стоящих на разных уровнях развития; взаимоотношения мыслящих существ, имеющих разные обычаи, нравы, знания.

Начиная с эпохи великих географических открытий (XV—XVI вв.) европейцы не только открывали, но и стали изучать новые континенты, архипелаги, океаны и моря. Тогда мореплаватели то и дело встречались с неведомыми народами,— порой дикими, порой культурными, накопившими немалый запас материальных и духовных ценностей. В результате чаще всего возникали неурядицы, взаимное непонимание, военные конфликты. Более хитроумные, лучше вооруженные, предприимчивые, отважные и жестокие европейцы рано или поздно побеждали «дикарей». Затем начиналось насильственное искоре-

[1] Понятия «дикие» и «культурные» по отношению к народам показывают сравнительный уровень развития техники, знаний, общества.

нение туземных обычаев, «окультуривание», которое заключалось не только в распространении грамотности, христианства, «цивильной» одежды и т. п., но и в порабощении, убийствах, обмане.

В эпоху Возрождения, Великих географических открытий, распространения книгопечатания и просвещения начали развиваться в Европе капиталистические отношения с их погоней за прибылью и накоплением капитала. Нажива, материальные блага, деньги — вот идолы, которым стали истово поклоняться в цивилизованных странах. Для капиталиста трудящийся представлялся средством для получения прибыли, увеличения капитала. А почти беззащитные племена «дикарей» были доходной добычей, выгодным товаром.

Европейцы привыкли жить в государствах, организациях, семьях, построенных по принципу господства и подчинения. Одни общественные группы были богаты и имели много прав, верховодили, тогда как другие, обездоленные, были вынуждены покоряться и работать на «хозяев». А вновь открытые земли и народы, населявшие эти земли, рассматривались европейскими странами в первую очередь с позиций торговли, корысти, захвата колоний.

Люди не только действуют, но и стараются обдумывать свои поступки и их последствия. Для мыслителей издавна одним из главных вопросов был: что такое человек? Какова его роль в природе? Чем объясняются различия между людьми и как научиться разумным существам жить в мире и дружбе?

Под влиянием известий о диких племенах философы XVII—XVIII вв. разделились на два противоположных лагеря. Одни доказывали, что дикие люди находятся на низком уровне развития, имеют грубые нравы и зверские наклонности. Вторые утверждали, что дикарь, вольный сын природы, благороден и добр, имеет ровно столько ума и умения, сколько необходимо для спокойной жизни.

Например, французский философ Клод Адриан Гельвеций считал, что человек в первобытном состоянии «является еще нелюдимым дикарем», язык которого «ограничивается пятью или шестью звуками или криками». «Если он освобождается от страха перед законами или наказаниями, то его несправедливость не знает никаких пределов...»

А по мнению Жана-Жака Руссо, до тех пор, пока люди довольствовались немногим, самым необходимым, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми. Когда появилась потребность в избытке благ, в собственности, тогда возникли рабство, жестокость, зависть, лицемерие, а научно-технический прогресс только увеличивал неравенство между богатыми и бедными.

Руссо и Гельвеций принадлежали к числу гуманистов-просветителей. Однако их представления о диких племенах и

цивилизованных народах были надуманные; почти вовсе не учитывались сведения о быте и нравах первобытных племен. А этих сведений накапливалось все больше и больше. Стала складываться этнография, народоведение («этнос» — народ).

Одновременно оформлялась наука о биологических особенностях человека — антропология. (Слово «антропология» появилось еще в античное время.) Это была как бы отрасль зоологии, посвященная одному виду — человеку, разумному существу. В ее основе лежала антропометрия, т. е. измерения и систематизация особенностей физических типов людей.

Следует упомянуть и об археологии, изучающей остатки культурной (технической) деятельности человека. Она тоже обрела научный характер к середине XIX в.

Казалось бы, почти одновременное становление этих трех взаимосвязанных наук должно было прояснить спорные проблемы и раскрыть, выявить суть человека. Тем более что тогда же появились прекрасные труды о геологической истории и древности человека Чарлза Лайеля и о происхождении видов и происхождении человека Чарлза Дарвина.

Однако история знаний — это не столбовой путь от открытий к открытиям, от незнания к познанию истины. Тут нередки глубочайшие заблуждения, забвение точных данных и господство сомнительных, но правдоподобных мнений. Сказываются и общественное мнение, и классовые интересы, и политическая борьба, и предрассудки.

В середине прошлого века бурно развивались капиталистические страны. Обострилась конкурентная борьба, активизировались промышленное и сельскохозяйственное производство, торговля. Все это сопровождалось жестокой эксплуатацией трудящихся, ограблением колониальных и зависимых стран. Из этих стран вывозили среди прочих дешевых товаров рабочую силу, людей, превращенных либо в рабов, либо в бесправных наемников.

В такой духовной атмосфере ловкачи капиталисты по-своему восприняли идею о борьбе за существование и выживание наиболее приспособленных. Ч. Дарвин, а также философ Герберт Спенсер и биолог-географ Альфред Уоллес пришли к этой идее почти одновременно, обобщая научные данные. Некоторые последователи Дарвина упрощали и искажали его учение. Они доказывали, что имеются расы и даже отдельные виды людей, стоящие на низких ступенях развития, как бы умственно неполноценные, переходные между человеком и высшими обезьянами.

Создалась странная, с нашей точки зрения, ситуация: многие противники дарвинизма, а среди них были и миссионеры-христиане, утверждали: род человека един, нет рас низших. А некоторые дарвинисты утверждали обратное.

В научные дискуссии властно вмешалась политика. Капи-

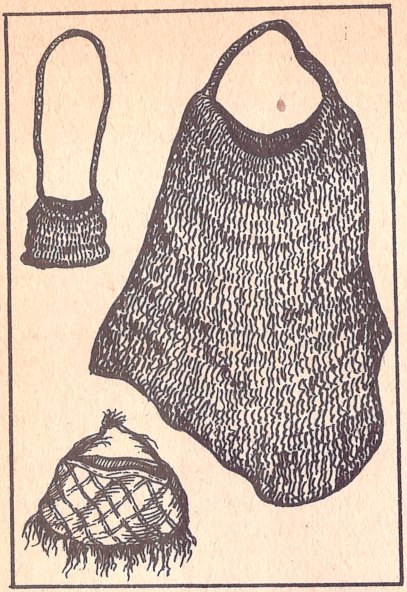


Рис. 9. Вверху слева — мужская сумочка для ношения мелких предметов, справа — женская плетеная сумка для ношения плодов, а также грудных детей; различия размеров мужских и женских сумок объясняются прежде всего занятиями мужчин — охотников и воинов. Слева внизу — сумка из волокон лианы.

талистические державы заканчивали раздел мира на сферы своих влияний. Англия превращалась в крупнейшую колониальную державу. В США южные штаты были рабовладельческими (здесь насчитывалось около 4 млн. рабов-негров). Экономические выгоды от эксплуатации рабского труда заставляли плантаторов соответственным образом приспосабливать свои нравственные принципы и религиозные взгляды. Рабовладельцы утверждали, что негры относятся к низшим расам. Американские антропологи Нотт и Глиддон опубликовали в 1854 г. монографию «Типы человечества», где утверждалось полное отсутствие родства между белыми и приближенными к человекообразным обезьянам неграми. Французский аристократ А. Гобино издал свой «Трактат о неравенстве человеческих рас». По его мнению, существует высший расовый тип — арийский, призванный господствовать над другими.

В России крупнейший биолог Карл Бэр проницательно охарактеризовал расистские домыслы: «Не есть ли такое воззрение, столь мало соответствующее принципам естествознания, измышление части англо-американцев, необходимое для успокоения их собственной совести? Они оттеснили первобытных обитателей Америки с бесчеловечной жестокостью, с эгоистической целью ввозили и порабощали африканское племя. По отношению к этим людям, говорили они, не может быть никаких обязательств, потому что они принадлежат к другому, худшему виду человечества. Я ссылаюсь на опыт всех стран и всех времен: как скоро одна народность считает себя правою и несправедливо поступает относительно другой, она в то же время старается изобразить эту последнюю дурною и неспособною и будет высказывать это часто и настойчиво».

Тогда же Н. Г. Чернышевский опубликовал целый ряд работ, посвященных проблемам истории, антропологии. Он высказал мысль о том, что исследователи находятся под влиянием классовых личных симпатий и антипатий. Он писал:

«Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом».

Конечно, нередко мыслители не желали поддерживать несправедливые притязания своего класса, своей партии или вообще отказывались от политической борьбы. Сам Чернышевский высказал принципиальность, не совместимую с узкими «лично классовыми» интересами. Но он отлично понимал, сколь часто наука идет на поводу у политики: «Когда встревожились за свои владения плантаторы южных штатов, ученые рассуждения в защиту рабства получили такую разработку, которая была нужна для опровержения мыслей партии, сделавшейся опасною для рабовладельцев».

В тот год, когда в Америке началась война за освобождение негров, во Франции была опубликована книга Катрфажа «Единство рода человеческого», где доказывалось физическое равенство рас. В 1865 г. северные штаты победили южан и добились признания юридического равенства прав белых и черных. Но научные баталии антропологов продолжались.

Дарвин постарался объективно, непредвзято разобраться в проблеме. Еще во время своего кругосветного плавания (1835—1836) он писал: «...ничто так не поражает, как первая встреча с дикарем в его родной берлоге... Мне кажется, просто невозможно описать различие между диким и цивилизованным человеком». В то же время он возмущался рабовладением и угнетением «первобытных» народов: «Кровь кипит в жилах и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла».

Дарвин склонялся к мысли о единстве рода человеческого. Он ссылался на то, что между расами существуют переходные, смешанные типы людей, а поэтому даже сторонники расового неравенства называют количество рас от 2 до 22, а некоторые — до 60—63. Но тот же самый факт — существование переходных типов — многие дарвинисты объясняли как следы постепенных переходов от обезьяночеловека к человеку разумному.

В середине прошлого века обострились разногласия антропологов по коренным вопросам происхождения человечества и его современного состояния. Разногласия охватывали обширный круг вопросов, начиная от сугубо научных (биология и анатомия человека, сравнительное языкознание и пр.) до нравственных, политических, мировоззренческих.

Сравнительно немногие ученые понимали, что в науках о

человеке многое еще слабо изучено и делать широкие обобщения слишком рано. Чарлз Дарвин в одном из писем (1860) писал: «...я никак не могу взирать на эту чудесную вселенную и особенно на природу человека и довольствоваться заключением, что все это результат грубой силы... Я очень ясно чувствую, что тот вопрос чересчур глубок для человеческого разума. С таким же успехом собака может размышлять об уме Ньютона».

Но как же распутать сложный клубок взаимосвязанных проблем антропологии, этнографии, языкознания, археологии? Нужны были прежде всего новые сведения, точные наблюдения, тщательные исследования. Следовало детально изучить облик, нравы, быт, верования, язык наиболее примитивных племен, еще не испытавших влияния научно-технически развитых цивилизаций. К середине XIX в. подобных племен на земле почти не осталось. Миклухо-Маклаю пришлось торопиться с дальней экспедицией, чтобы обнаружить племена, не встречавшиеся с представителями иной цивилизации.

Двадцатитрехлетнему человеку, только входящему в науку, было нелегко избежать влияния авторитетных специалистов. А он учился и стажировался у Геккеля, слушал лекции Гексли и беседовал с ним. Кстати, Томас Гексли весной 1870 г. упомянул в одном из своих писем о встрече с молодым русским ученым: «Миклухо-Маклай был здесь; я достаточно близко его узнал и был поражен его замечательными способностями и энергией».

Глубоко уважая своих учителей и дружа в ними, Миклухо-Маклай никогда не терял самостоятельности и оригинальности мысли. Приступая к своим первым антропологическим и этнографическим исследованиям, он не испытывал никаких предубеждений. Вернее, всерьез сомневался в правильности взглядов своих учителей на принципиальные различия между человеческими расами.

В этом отношении он был последовательным представителем нарождавшейся русской научной школы антропологов. Ее основателем был великий ученый прошлого века российский академик Карл Бэр (1792—1876)— биолог, географ, медик, эмбриолог. Бэр не соглашался с теорией естественного отбора и борьбы за существование, полагая, что они недостаточны для объяснения удивительной гармонии развития и жизнедеятельности организмов. Возражал он и против гипотезы неравенства рас. Бэр поддержал стремление Миклухо-Маклая изучать папуасов (а прежде и сам посвятил статью папуасам) и уточнил методику обмера черепов.

Вообще, в демократической части русского общества достаточно прочно укоренились взгляды на равенство рас, уважительное отношение к другим народам.

В начале XIX в. участники первых русских кругосветных

путешествий (И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке) с негодованием отзывались о рабовладении, выражали сочувствие невольникам. О. Е. Коцебу писал: «Торговля людьми — позорное пятно на цивилизованных государствах». В то время как некоторые ученые объяснили вымирание некоторых племен и народов «биологическими» причинами, в частности естественным отбором, Коцебу очень точно отметил: «Главной причиной убыли населения явилось кровавое насаждение миссионерской религии, которое сыграло здесь роль самой опустошительной эпидемии».

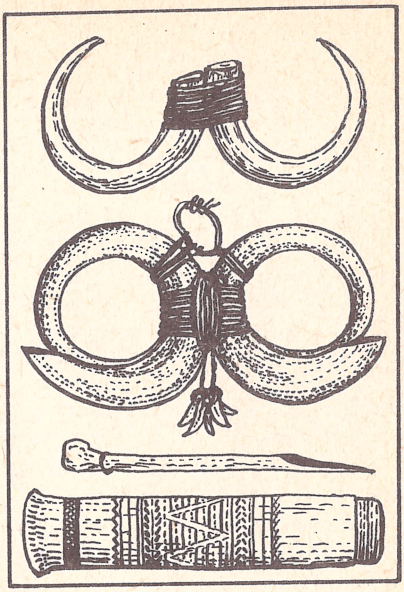


Рис. 10. Сверху вниз: нагрудное украшение из кабаньих клыков, то же — из раковин. Кость казуара, которой достают известь для бетеля из футляра — бамбуковой трубочкой.

Действительно, даже более или менее мирные контакты первобытной и научно-технической цивилизации имели подчас трагический исход. Могущественные и многознающие пришельцы в лучшем случае относились к «дикарям» как к неразумным детям, которых надо возможно скорее перевоспитать, обучить, перевести в христианскую веру. Короче, людей лишали привычного уклада жизни, сложившихся веками «естественных» взаимоотношений и единства с окружающей природой.

Поучительна и печальна судьба коренного населения острова Тасмания. В 1642 г. экспедиция голландца Абеля Тасмана обнаружила эту землю. Местных жителей не удалось встретить. Лишь в 1772 г. французские моряки впервые столкнулись с тасманийцами. Однако взаимопонимания достигнуть не удалось, произошла стычка; одного тасманийца убили, нескольких ранили. Это были первые жертвы цивилизации на Тасмании.

Через пять лет Тасманию посетил Джеймс Кук. Отношения его с местными жителями были доверительными. О тасманийцах он отзывался с уважением и симпатией.

Лишь в конце XVIII в. мореплаватели открыли широкий пролив, отделяющий Тасманию от Австралии (до этого их считали единым континентом). Тогда же началась колонизация острова европейцами. Теперь все чаще стали звучать выстрелы. И хотя физическое уничтожение островитян не практикова-

лось, число их начало быстро сокращаться. Первоначально, судя по всему, их насчитывалось приблизительно 2—5 тыс. человек. В 1824 г. их было уже менее 500, а к 1860 г. число это уменьшилось до 16. Попытки спасти их ни к чему не привели: вскоре все тасманийцы вымерли. А. Уоллес писал: «Мы видим здесь народ с задатками прогресса, которым культура не дала времени развиться».

Странно: культура (европейская) не дала развиться задаткам прогресса (тасманийцев). Выходит, культура может подавлять прогресс? Да, может.

С точки зрения народоведения культура — накопленные материалы и духовные ценности, а также особенности жизненного уклада. Это понятие обобщенное. Каждый народ или племя, сохраняющие свои традиции, вырабатывают свою культуру. Она обособляет группы людей от естественной природной среды, а также от иных групп. Посредством культуры осуществляется взаимодействие человеческой группы с окружающей природой и соседними группами.

Прогрессом обычно мы называем изменения к лучшему. Правда, такое определение предоставляет людям возможность толковать суть прогресса по своему произволу. До середины XVII в. среди европейцев господствовало мнение, подтвержденное библейскими легендами, об удалении человечества от золотого века, от беззаботного и счастливого существования. Предполагалось, что люди от золотого века опустились к серебряному, медному, бронзовому, а затем и железному.

В середине прошлого века многие писатели и поэты, философы и общественные деятели восторженно писали о благодетельном прогрессе просвещения и технической цивилизации. Раздавались, конечно, и скептические голоса. Скажем, журнал «Искра» опубликовал в 1866 г. стихи, где было:

Эпоха гласности настала;
Во всем прогресс, но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

Ученые постарались отыскать признаки, отличительные черты прогрессивного развития.

Скажем, Карл Бэр предлагал считать биологические изменения прогрессивными, если они идут от простого — к сложному, от однородного — к разнородному.

Любая культура, развиваясь, усложняется и становится более разнообразной. Примитивная культура первобытных народов должна бы изменяться к лучшему под влиянием более развитой европейской культуры. Разве воздействие со стороны более высокоразвитых цивилизаций не есть благо и ускорение культурного прогресса?

Нет, дело обстоит не так просто. Потому что очень разные

вещи: культура обобщенная и личная, научно-технические достижения народов (государств) и моральные достоинства каждого отдельного человека. Каждый отдельный человек в разнородном высококультурном обществе выполняет определенную и обычно очень однообразную и простую функцию. Скажем, ученый может быть узким специалистом, знающим очень много в пределах небольшой области одной науки.

Культура общества может быть развитой, сложной, высокой, но каждый отдельный человек не в силах освоить ее целиком, ограничиваясь только частностями. А представитель примитивной культуры способен осваивать ее во всей полноте и разнообразии. Сложно организованное общество уподобляется хорошо отрегулированному механизму.

Вот почему представитель высокой культуры нередко бывает низкокультурным, никчемным, негуманным. А представитель низкой культуры может быть высококультурным, гуманным. Все зависит от каждого конкретного человека. Каждого человека необходимо оценивать индивидуально. Дикарем можно быть в любом очень развитом в социальном и научно-техническом отношении обществе. Если человек теряет возможность сознательно, активно, творчески использовать достижения культуры, преумножить духовные и материальные богатства общества; если он не свободен; если культурная среда не стала для него естественной, продуманной и прочувствованной, ему грозит превращение в автомат, в безликую деталь сложного общественного механизма.

Для многих «первобытных» народов такое насильственное превращение оканчивалось трагически. Им была чужда новая, более сложная культурная среда, они утрачивали в ней самобытность и независимость, теряли интерес к жизни и радость бытия. Им оставалось либо перерождаться, либо вымирать, либо бороться за свободу и собственные пути развития.

К сожалению, «дикарям высшей культуры» не дано понимать и ценить своеобразие других культур. Они очень самодовольны, нетерпимы к мыслящим не на их манер и более всего заботятся о своей выгоде. Так уж вышло, что этой категории людей пришлись по сердцу (и были выгодны) взгляды тех ученых, кто доказывал принципиальные различия человеческих рас. Против этих идей активно выступали в России революционные демократы. Например, Н. Г. Чернышевский писал в 1857 г.: «Мы убеждены, что и негр отличается от англичанина своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы своей, а не вследствие органических особенностей».

Все это были, можно сказать, рассуждения, основанные не столько на безукоризненной логике и неопровержимых фактах, сколько на благородных побуждениях, стремлении к добру, человечности. Но кроме теоретических домыслов и научных идей существовала практика общения людей разных культур.

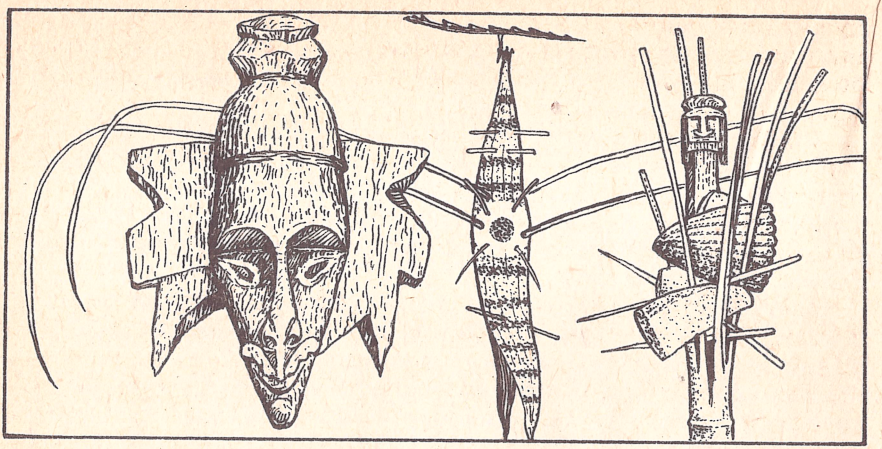


Рис. 11. Резной идол — телум/деревня Теньгум — Мана/, магический предмет — мандюри /деревня Бонгу/, магический предмет — помали /берег Папуа — Ковиай/.

И здесь представители России обычно показывали себя с наилучшей стороны.

Во время кругосветного путешествия в 1826 г. морской офицер, а позже известный ученый, основатель Русского географического общества Федор Петрович Литке доброжелательно отзывался о туземцах тропических островов Тихого океана, несмотря на отдельные конфликты. Кто-то из местных жителей украл корабельное имущество. Литке делает вывод: «...им надлежало бы быть выше людей, чтобы не подпасть искушению присвоить себе одну или две из многих драгоценностей, около них, как будто нарочно разбросанных». (Действительно, многие металлические детали, инструменты, привычные для европейцев, представлялись островитянам необычными драгоценностями.) Литке пришел к выводу: «Опыт всех прежних путешествий доказывает, что ласковое и снисходительное обращение с дикими, соединенное с твердостью и настойчивостью, а когда нужно, то и обнаружение силы есть единственное средство сохранить с ними постоянный мир и согласие». Он с удовлетворением отметил: трехнедельное пребывание на острове Юалане и постоянные контакты с туземцами обошлись без кровопролития. А ведь был момент, когда вооруженное столкновение казалось неизбежным. Один из островитян замахнулся копьем на Литке, а тот выстрелил поверх головы нападавшего, предупредив схватку.

Между прочим, сходная ситуация возникла во время последнего путешествия одного из величайших первооткрывателей Джеймса Кука. Во время вынужденной стоянки на Гавайях в феврале 1779 г. ему изменила обычная выдержка и пре-

дусмотрительность. Очередной конфликт с туземцами он решил покончить насилием, действуя как завоеватель, а не как божество, за которого принимали его гавайцы. В завязавшейся кровавой схватке он был убит.

За 250 лет до Кука та же судьба постигла Магеллана на Филиппинских островах. Об этом прекрасно знал Кук, который однажды сказал: «Не могу понять, зачем Магеллану понадобилось вступать в никому не нужную стычку с туземцами». Но, как видно, даже могучая воля и светлый ум порой не могут совладать с порывами чувств...

Обо всем этом требовалось постоянно помнить путешественникам. И дело тут было не столько в теоретических взглядах (можно ли считать дикарей представителями низших рас), сколько в поступках, в умении понять представителей чужой культуры, сочувствовать им и стремиться не к господству, а к миру, взаимопониманию. Это хорошо сознавал Ф. П. Литке. Он считал, что недопустимо судить о «дикарях» по своим привычным меркам, а надо учитывать их представления о преступлении и возмездии, добре и зле. По словам Литке, наказывать туземцев «за то, что по нашим понятиям есть преступление, конечно, было бы несправедливо и жестоко».

Каждая культура, каждое племя или народ, каждая человеческая личность имеет полное право на самостоятельность. Взаимодействуя, они должны исходить из обоюдного уважения, не стремясь всеми силами насаждать свои порядки. Надо уметь вживаться в чужую жизнь, вдумываться в чужие мысли, сочувствовать чужим переживаниям.

Подобные принципы били близки и понятны Н. Н. Миклухо-Маклаю. Возможно, потому что он рос и воспитывался в интеллигентной российской семье середины прошлого века — времени расцвета русской культуры, и прежде всего литературы, пронизанной идеями свободы, гуманизма, поисков правды и добра. Он зачитывался произведениями русских и гражданских демократов, восхищался принципиальностью и гражданским мужеством Чернышевского. Среди тех, кто непосредственно содействовал его путешествиям и самостоятельным научным исследованиям, были К. М. Бэр и Ф. П. Литке, а среди его учителей — Т. Гексли и Э. Геккель.

Миклухо-Маклай находился как бы между двумя идейными течениями в антропологии. Он не торопился примыкать к какой-либо группе ученых, а вырабатывал собственное мнение. Ведь наука — поиски истины, правды, а не подгонка фактов к заранее придуманной схеме. Объективность и бесстрастность — таков принцип научного исследования.

И все-таки все это — идеализация. Человек не может оставаться совершенно объективным, отрешенным от своих привычных мнений, предрассудков, симпатий и антипатий, принципов жизни. В отличие от «разумной машины», человек спосо-

бен оценивать свои поступки, стремиться к идеалам не только научной точности, но и красоты, благородства, добра.

...Предположим, действительно существуют более или менее развитые расы, происшедшие от разных видов зверолюдей. Разве это дает хоть какой-нибудь повод угнетать более слабых или насильственно переиначивать уклад их жизни? И в каждом обществе, у каждого народа имеются люди более развитые в умственном или физическом отношении и сравнительно отсталые «середнячки». Следует ли из этого, что первые должны пользоваться своими преимуществами за счет других и властно вмешиваться в судьбы тех, кого они считают «низшими»?! Наука не может оставаться холодной игрой ума. Она должна участвовать в борьбе за высокие идеалы.

Возможно, примерно так рассуждал Миклухо-Маклай, принимаясь за самостоятельные исследования. Ему предстояло изучать не инертные объекты природы, а живых людей, представителей рода Homo sapiens. Здесь многое зависело от того, как относиться к своим подопытным сородичам, как вести себя с ними, какие высшие цели — помимо специально научных — будут направлять поиски.

Не следует думать, что подобные проблемы были характерны именно для середины прошлого века. В разных формах они существовали всегда и очень остро стоят сейчас. Умением производить массу безукоризненно точных логических операций ныне наделены компьютеры, ЭВМ. Разрабатывается даже особая научная программа по созданию искусственного интеллекта. Многие первичные мыслительные операции доступны техническим системам (как доступны им многие функции живых организмов).

Вполне возможно, что в недалеком будущем «разумные машины» смогут заменить массу работников науки, которые вынуждены (или способны) выполнять только рутинные, заурядные операции и не стремятся (или не умеют) добывать новые знания. А наука — это выработка нового знания, поиски и открытия, устремленность в неведомое.

Каких бы успехов ни добивались «разумные автоматы», им суждено оставаться теми самыми «дикарями высшей культуры», которые не имеют высоких идеалов и нравственных принципов, позволяющих творить благо для людей и для всего живого. Машина способна выполнять стандартные операции, имитировать жизнедеятельность и разум. Она с равнодушием природной стихии может уничтожать жизнь и разум, оставаясь в полной зависимости от воли и умения человека. Поиски истины — великая цель познания. Но она обернется не благом, а бедой, если не будет ориентирована на высшие человеческие ценности добра, справедливости, красоты, любви. Ученый не имеет права ограничиваться только своей профессиональной деятельностью. Наука для науки бесчеловечна. Идеи раco-

вого неравенства, высшей культуры и сверхчеловека на деле оказались предпосылками к созданию жестокой и жесткой, как механизм, фашистской государственной системы и обезличенных людей, превращенных в подобие насекомых или стандартных деталей. В результате разразилась самая разрушительная и кровопролитная за всю мировую историю война. И нелегко себе представить, что ее корни уходят далеко в прошлое, в первую половину и середину XIX в.

Настоящее, как и будущее, прорастает из прошлого. И нам надо пристально вглядываться в былое, стараться постичь его, по-новому осмысливать наследие прошлого, для того чтобы разумнее, достойнее существовать.

Итак, сделаем предварительные выводы. Культура — это искусственная (или, как еще говорят, техногенная) среда, которую создает человек для освоения природных богатств. Духовные и материальные блага, предоставляемые культурой, каждый человек использует по-своему. Остаются дикарями — высокого или низкого уровня цивилизованности, безразлично,— те, кто не стремятся наиболее полно использовать духовные богатства своей культуры, не умеют ими дорожить, их беречь и преумножать, а стараются только добывать максимум материальных ценностей за минимум труда. Дикарь — это состояние человека — потребителя материальных благ, рабски подчиненного моде, не ориентированного в своей жизни на высокие идеалы добра, человечности.

А теперь постараемся соотнести эти достаточно общие замечания с конкретной и очень яркой жизнью Миклухо-Маклая.

Глава **3.**

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

О семье и детских годах Николая Николаевича Миклухо-Маклая известно немного. Сам он скупо писал о себе; его родные и близкие не оставили обстоятельных воспоминаний. Когда с конца прошлого века русское общество стало проявлять растущий интерес к личности замечательного путешественника, было уже чрезвычайно трудно собрать о нем подробные биографические сведения.

Родился он 5 июля 1846 г. в селе Рождественском у г. Боровичи Новгородской губернии в семье инженера-капитана Н. И. Миклухи. Отец — Николай Ильич — происходил из запорожских казаков: его дед Степан, в составе одного из казацких полков, отличился при взятии Очакова во время русско-турецкой войны, получил чин хорунжего и потомственное дворянство. Родился Николай Ильич в Черниговской губернии, учился в Нежинском лицее, пешком — по бедности — добрался до Санкт-Петербурга, поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения, закончил его в 1840 г., руководил строительством одного из участков железной дороги Петербург — Москва. Характер он имел независимый, замкнутый. Женился на домовитой, сдержанной, доброй Екатерине Семеновне Беккер, отец которой, подполковник, был участником Отечественной войны 1812 г.

Николай Ильич не отличался крепким здоровьем и скончался от чахотки в 1857 г. Екатерина Семеновна осталась с четырьмя сыновьями и одной дочерью. Сын Николай был вторым по старшинству. Малорослый, слабый здоровьем, но рано ощутивший самостоятельность, он бережно опекал младшую сестру Олю.

Возможно, на детей Н. И. Миклухи повлияла романтика железных дорог (железнодорожный транспорт был диковиннее

речного и даже морского; трехмачтовый корабль казался обыденнее, чем пыхтящий паром локомотив). Во всяком случае, три брата связали свои судьбы с путешествиями.

Михаил Николаевич по совету Николая стал горным инженером, проводил геологические исследования преимущественно на севере России, работал на Урале, Украине.

Младший из братьев — Владимир стал отличным моряком, совершал дальние плавания и геройски погиб в Цусимском проливе (1905 г.) во время неравного боя руководимого им броненосца «Адмирал Ушаков» с японской эскадрой.

С детства Николай Миклухо-Маклай отличался вольнолюбивым и озорным нравом. В те годы российская интеллигенция находилась под значительным воздействием идей утопического социализма и анархизма. Николай словно «впитывал» и невольно воплощал в жизнь идеалы социального равенства и свободы личности. (Более радикальное учение о диктатуре пролетариата еще не окрепло на русской почве; «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса был издан в Лондоне в 1848 г., а на русском языке в Женеве лишь 21 год спустя.)

Многие незаурядные люди с детства становились самостоятельными, вынуждены были (или стремились сознательно) по мере сил отстаивать свою независимость; сознавали свою ответственность за ближних. После смерти отца для Николая окончилось беззаботное существование, когда и воспитание и образование получаешь, не выходя из дома. Болезненный мальчик был немало избалован. И вот — полоса моральных и материальных трудностей для семьи, переезд в скромную квартиру, необходимость определять детей в казенные учебные заведения.

Николай поступил в училище при лютеранской церкви Св. Анны. Преподавание велось на немецком языке, дисциплина была строгой. Первое обстоятельство не особо тревожило Николая: он легко осваивал языки. А вот приспособиться к жесткому режиму он не смог. Через год пришлось его забрать из училища. В 1858 г. Николай, сдав экзамены, поступил в третий класс 2-й санкт-петербургской классической гимназии. Но и здесь учился не блестяще, прилежностью и примерным поведением не отличался и был исключен из шестого класса.

Будущий ученый учился посредственно. Что мешало ему справиться с доходчивыми ученическими курсами упрощенных наук? Пожалуй, именно то, что курсы эти подчас слишком упрощены, не требуют напряженных поисков загадок природы, не рассматривают неведомое, а рассчитаны прежде всего на запоминание готовых объяснений, согласие с предлагаемыми решениями, добросовестное повторение известных истин.

Николай был из числа тех людей, которые успешно справляются со сложнейшими задачами, но только в том случае,

если заинтересованы, увлечены поисками. По складу характера и домашнего воспитания он был замкнут, чуждался «учебных коллективов» и чувствовал себя непринужденно только в небольшом кругу друзей. Он не любил командовать, но и не терпел чужой власти над собой. Ему трудно было ужиться и в Петербургском университете, куда он поступил в 1863 г. вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета. Весной 1864 г. он был исключен из университета без права поступления в учебные заведения России. Причины исключения точно неизвестны. Возможно, он принимал активное участие в студенческих волнениях. Во всяком случае, судя по формальной справке, Миклухо-Маклай, «состоя в числе вольнослушателей С.-Петербургского университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц».

С этого момента начались странствия Миклухо-Маклая. Он уехал в Германию и поступил на философский факультет Гейдельбергского университета. Вскоре переехал в Лейпциг, где изучал преимущественно медицину, и, наконец, в Иену. Одним из самых ярких преподавателей Иенского университета был Эрнст Геккель. На своих лекциях он не только рассказывал о новейших достижениях в биологии, но и увлекал слушателей красочными сравнениями, упоминанием о нерешенных научных проблемах. В 1866 г. Миклухо-Маклай стал у него ассистентом.

Судя по письмам Миклухо-Маклая, в своей студенческой жизни любил он более всего независимость. Шумным компаниям предпочитал одиночество. Но не был эгоистом. Отправившись в горы Шварцвальда для отдыха и лечения, он рад «возможности быть совершенно одному». В то же время, отвечая на письмо, где его упрекали в равнодушии, возмущается: «Удивительно, как вы не заметили, что эта фраза «все мне безразлично» является полной противоположностью моей натуры. Это мне все безразлично?! Это я всем доволен!?.. Я могу лишь сказать на это, что вы меня совсем не знаете. Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях...»

Не прочь он при случае озорно подшутить над самодовольными немецкими буржуа. Однажды июльским днем иенские чинные обыватели, шедшие на соседнюю горку отмечать церковный праздник, с ужасом увидели распростертое на дороге тело молодого человека в рубашке, залитой кровью. В панике бросились они в полицейский участок, даже не подойдя близко к несчастному юноше. А тот, поднявшись, как ни в чем не бывало отправился в магазин, чтобы приобрести новую рубашку взамен обветшавшей, а теперь еще измазанной красной краской. Эксперимент закончен: среди цивилизованных людей можно лежать, истекая кровью, так и не дождавшись помощи.

В Иенском университете Миклухо-Маклай увлекся сравнительной анатомией. Он занимался у крупного специалиста в этой области Карла Гогенбауэра. У Эрнеста Геккеля обучался общей зоологии.

Миклухо-Маклай был непоседой, легким на подъем и восхищенным природой. Он был прирожденным естествоиспытателем, натуралистом. Однако настоящему, знающему ученому необходимо уяснить достижения предшественников, проводить утомительные, а то и скучные однообразные опыты. И Миклухо-Маклай смирял свой бурный нрав, долгие часы проводил в анатомическом зале, корпел над учебниками и трудно читаемыми трактатами. Это были первые значительные победы его воли, целеустремленности.

Он имел возможность избрать для своих первых научных исследований увлекательные, спорные и «модные» темы, связанные, скажем, с теорией эволюции. Однако выбрал более скромную и на первый взгляд скучноватую тему: сравнительную анатомию беспозвоночных. И что нашел он увлекательного в препарировании различных организмов, подробных описаниях, сопоставлении разных форм?..

А на чем основано изучение индивидуального развития животных — онтогенеза? На последовательном сравнении анатомических особенностей формирования из зародыша полноценного организма. На чем основана теория эволюции видов — филогенеза? На сопоставлении анатомических особенностей разных групп современных организмов и их предков. Выходит, сравнительная анатомия предоставляет возможность добывать факты для самых разных биологических теорий.

В 1866 г. Э. Геккель издал свой знаменитый труд «Общая морфология организмов», где обосновал положение о соответствии между индивидуальным и видовым в развитии организмов. Это положение получило название «основного биогенетического закона». И хотя вскоре стало выясняться, что теоретические выводы из этого закона не столь просты и убедительны, как считал Геккель (проблема сохраняет актуальность до сих пор), поставлен вопрос был очень своевременно, возбудил острые дискуссии, стимулировал интересные поиски.

Сравнительная анатомия животных с начала XIX в. сделалась очень важным разделом биологии. Не случайно знаменитый французский ученый А. Жоффруа Сент-Илер назвал свою важнейшую работу «Философия анатомии». В то же время не всем нравились излишние философствования без надежной опоры на факты. Карл Бэр предостерегал от «заблуждений, в которые можно впасть, если постоянно принимать за действительность предположения вместо наблюдений».

Миклухо-Маклай намеренно или бессознательно поступал в точности по заветам К. Бэра: стремился тщательно наблюдать

жизнь природы, остерегался теоретезировать без хорошего знания фактического материала. Эти качества, в дополнение к энергии, целеустремленности, остроте ума выделяли Миклухо-Маклая из студенческой массы. Не случайно Геккель взял в путешествие на Канарские острова «студента-медика Николая Миклухо-Маклая».

Из Лиссабона они отбыли на остров Мадейру, ознакомились с его роскошной природой. Вскоре удалось переправиться на остров Тенерифе и совершить трудное восхождение на знаменитый Тенерифский пик (3716 м), покрытый снегом и льдом. Стационарные наблюдения вели на небольшом островке Лансерот, куда постоянно «наведывались» сухие ветры из Сахары. Исследовали преимущественно морских беспозвоночных. Правда, Миклухо-Маклай, помимо губок, изучал рыб, обращая особое внимание на сравнительную анатомию головного мозга и плавательный пузырь.

Обилие зловредных насекомых стало немалым испытанием для путешественников. С облегчением переправились в Марокко. Здесь Миклухо-Маклай вместе с другим студентом Фолем совершили пеший переход в столицу султанства Марокко, несмотря на то что мусульмане были настроены враждебно к иноверцам.

На следующий год Миклухо-Маклай отправился с зоологом А. Дорном в Мессину (о. Сицилия), продолжая занятия сравнительной анатомией морских животных. Он сочувственно воспринял идеи Дорна о создании морских биологических станций, где можно было бы изучать жизнь моря в естественных условиях. Из Мессины Николай Николаевич на свои средства, а также на свой страх и риск перебрался к берегам Красного моря. Фауна этого района была почти не изучена. Сказывались физико-химические особенности моря, а также большие трудности и риск для европейцев, приезжающих сюда. Николай писал брату Сергею: «Путешествие мое не совсем безопасно. В Джидду наезжает тьма арабов, отправляясь в Мекку; в это время они особо фанатичны и, кроме того, приезжают из таких стран, которые обыкновенно не терпят столкновений с европейцами». «Страшная жара и нездоровый, в особенности для приезжающих, климат — все эти обстоятельства с прибавкой самых скверных и неверных путей сообщения, с моим незнанием арабского языка... делает мою экскурсию зависимой от случая».

Иначе говоря, его постоянно могут убить.

Пришлось изменить по возможности внешность: обрить голову, покрыть темным гримом лицо, облачиться в арабский костюм и подражать поведению мусульман. Микроскоп, термометр, записную книжку он тщательно скрывал. Недостаток средств способствовал естественному слиянию с местным населением, терпящим постоянную нужду. Наряд его быстро об-

ветшал и пропылился насквозь, лицо почернело от загара, тело высохло от недостатка пищи и постоянных болезней, в особенности лихорадки и дизентерии. На неуклюжих парусных барках, петляющих между рифами, на грязных пароходиках, пешим ходом по раскаленным пескам продвигался он вдоль побережья Красного моря.

Он не желает ограничивать себя сугубо научными изысканиями. Его интересует и волнует все, в частности жизнь местного населения. С возмущением пишет: «Рынки невольников, несмотря на запрещение, находятся под носом у египетских властей». Отмечает удручающую нищету населения и предполагает ее причину: «...эта неподвижность, апатия, нежелание даже шевельнуть пальцем для лучшего удовлетворения самых первых жизненных потребностей еще более поддерживается и освящается религиею, которая приучает смотреть на все как на предопределенное свыше и изменить которое человек не в силах». В то же время: «Ни один из путешественников, долго и объективно наблюдавший жителей в местностях, прилегающих к берегам Красного моря, не отказывал им в природных умственных способностях».

Духовная и материальная культура образует единство и формируют человеческую личность. По сравнению с этим могучим влиянием окружающей природно-культурной среды отступают на дальний план расовые биологические особенности. Индивидуальные духовные различия между представителями одной и той же расы сплошь и рядом четче выражены, чем межрасовые. Хотя по анатомическим показателям выявляются более или менее отчетливые группы людей разных племен, национальностей, рас.

Он еще не начал активно заниматься антропологией, специализируясь в сравнительной анатомии. Накопил богатый материал. С помощью «пожертвований» от европейских консулов ему удается выбраться через Турцию в Одессу. После недолгого обследования Южного берега Крыма Миклухо-Маклай продолжил изучение мозга хрящевых рыб на Волге. Отсюда он направился в Москву, где выступил с сообщением на Втором съезде русских естествоиспытателей и врачей. Переехав в Петербург, двадцатидвухлетний ученый сделал более развернутый доклад. Он, в частности, сказал: «Чем дальше продвигается наука и чем дальше упрощаются ее выводы, тем сложнее становятся методы работы, приводящие к этим выводам. Это особенно справедливо по отношению к зоологии. Характер работ в этой отрасли знания существенно изменился за последнее десятилетие. Изучение фауны мало-помалу перенеслось из кабинетов, музеев, зоологических садов в естественные обиталища животных, где они могут быть наблюдаемы в естественной обстановке. Зоологи... обратились за материалом к живой природе, стали путешествовать... Последствие такого пово-

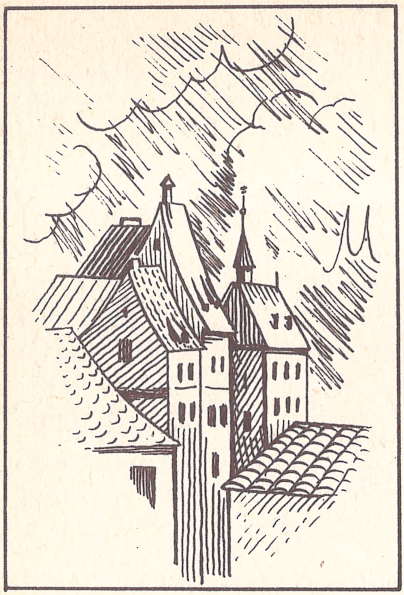


Рис. 12. Лейпциг. Вид из мансарды, где жил студент Миклухо-Маклай.

рота в методах исследования не замедлило проявиться в весьма важных научных открытиях и обобщениях, таковые трудно было бы ожидать при старых способах работы над мертвыми животными».

В последующие годы в России были созданы две морские биологические станции: на Соловецких островах и в Севастополе (конечно, трудно определить, какую роль в их создании сыграли предложения Миклухо-Маклая). Сам молодой ученый уже был увлечен другой, еще более грандиозной идеей. Он задумал приступить к биологическому и антропологическому изучению побережий и островов Тихого океана.

Все началось с предложения директора зоологического музея Академии наук Ф. Ф. Брандта обследовать богатую коллекцию губок, собранную во время экспедиций академика Бэра на Баренцево море, академика А. Ф. Миддендорфа на Охотское море и И. Г. Вознесенского по северным окраинам Тихого океана. Миклухо-Маклай принял это предложение. А год спустя опубликовал сообщение о проделанной работе.

Он осторожен в своих выводах. Оправданно остерегаясь выделять излишне много новых видов губок, называет их вариациями. В общем, решение было верное. Но в одном случае он ошибся. По его мнению, одна из байкальских пресноводных губок является разновидностью кремневой губки Охотского моря. Это навело его на мысль, будто Байкал некогда был частью обширного моря внутри Азии, соединенной с Мировым океаном (такую гипотезу ранее высказал А. Гумбольдт). Последующие исследования опровергли эту идею.

Необычайную изменчивость губок Охотского моря он верно объяснил чрезвычайной разнородностью природной обстановки в этом районе. Тем самым обратил внимание исследователей на вопросы экологии. Благодаря общению с Э. Геккелем Миклухо-Маклай был осведомлен об основах этой только еще зародившейся отрасли знаний. Геккель (автор термина «экология», от слова «ойкос» — обиталище) называл так общую науку об отношениях организмов к окружающей среде, ко всем условиям существования.

Губкам посвятил Миклухо-Маклай четыре статьи (одна из них была опубликована лишь в 1952 г.). Он стремился анализировать строение губок в связи со средой обитания. Перед ним, по его словам, «лежал мертвый, сморщенный материал как объект для наблюдений и вместо окружающей природы — только несколько описаний и сведений о местности, откуда происходили... объекты». Он восполнил свое незнание изучением соответствующей литературы, что было вовсе не обязательно для решения тех частных задач, которые были поставлены перед ним. Пришел к удивительно мудрому выводу: «Изменение организации животных, в особенности низших, может быть правильно понято и научно объяснено только при самом тщательном исследовании той среды, в которой эти животные обитают». То есть, анатомия животных тесно связана с экологией.

Рис. 13. Иена. Вид из окна мансарды, где жил студент Миклухо-Маклай.

Чтобы завершить знакомство с Миклухо-Маклаем, еще не начавшим исследования на островах Тихого океана, надо упомянуть о его работах по сравнительной анатомии. Уже в первой небольшой студенческой заметке он, в сущности, делает научное открытие (пусть и небольшого масштаба), обнаружив у эмбрионов некоторых акул (селахий) в стенке пищевода углубление слизистой оболочки. У взрослых особей этот зачаток (или остаток, рудимент?) плавательного пузыря пропадает. Полностью разделяя идею эволюции видов, Миклухо-Маклай задается вопросом: как возникли подобные аномалии? Приходит к выводу, что это следы зародившегося органа, который не получил развития, оказался «излишним», испытав «обратное развитие» (регресс, вырождение). В последующие десятилетия вопрос этот не раз обсуждался учеными. Большинство из них склонилось к мнению, что хрящевые рыбы (акулы в том числе) не имели плавательного пузыря. Однако, факты, добытые студентом Миклухо-Маклаем, сохраняют свою значимость, а выводы заслуживают серьезного внимания.

Наиболее крупная из его первых работ посвящена сравнительной анатомии мозга рыб. Он дает краткую и точную характеристику подобных исследований, проводимых ранее, обнару-

живая отличное знание научной литературы. Проявляет самостоятельность и смелость мысли, не соглашаясь с мнениями авторитетнейших ученых (в частности, К. М. Бэра). Аргументация Миклухо-Маклая была убедительна. С ним согласился Бэр. Впрочем, последующие исследования не подтвердили всех утверждений Миклухо-Маклая. «Это, однако,— считает советский ученый И. И. Пузанов,— далеко не обесценивает необычайно тщательной, детально и прекрасно иллюстрированной работы М.-М., содержащей большой фактический материал и проложившей путь последующим работам Бехтерева, Эдингера, Джонстона». Она не утратила значения и в наши дни и цитируется в списках основных работ по анатомии мозга.

Подчеркнем две особенности этого труда молодого ученого. Обстоятельные и четкие описания сопровождаются великолепными зарисовками. А еще — широкие обобщения. Накопленные факты он не только по-своему классифицирует, но и делает некоторые теоретические выводы. По его мнению, строение мозга акуловых рыб можно считать исходным, первоначальным, сочетающим в себе признаки (задатки) более специализированных форм у костистых рыб, с одной стороны, и амфибий — с другой. Мозг акуловых имеет наиболее «осредненное» строение.

Эта идея логична, помогает находить исходные формы организмов и понимать законы эволюции. Ведь идет развитие органических форм не только от простого к сложному, от меньшего разнообразия частей к большему. Усложнение организации, достижение «совершенства» может привести и в тупик.

И все-таки подобные общие соображения еще не доказывают происхождения, скажем, амфибий от акулоподобных рыб. Потому что вопросы происхождения видов не могут быть решены на основании только сравнения уровней организации мозга. Например, мозг у дельфинов развит значительно лучше, чем у обезьян, но человек с обезьянами объединен в одно семейство приматов, тогда как его родство с дельфинами (по происхождению, а не по размеру) весьма отдаленное.

Однако учтем: нам нетрудно так рассуждать, имея перед собой множество специальных и популярных работ, посвященных биологической эволюции. А Миклухо-Маклай начинал свою деятельность в те годы, когда эволюционная теория только еще вошла в науку и многими мыслителями отрицалась.

Сравнительные исследования мозга и сейчас имеют колоссальное значение. Им посвящаются многие работы. Закономерности цефализации все еще не выяснены до конца. С удивительным совершенством устроен головной мозг человека, и нет еще сколько-нибудь убедительных объяснений того, как удалось земной природе создать его из простейших комочков однородной, но живой и трепетной протоплазмы...

Уже первые самостоятельные шаги Миклухо-Маклая в науке показывают, что ученый не ищет легких путей и быстрых успехов, умеет сочетать обстоятельные кропотливые лабораторные наблюдения с опаснейшими путешествиями в экстремальных ситуациях. У него светлый ум, сильная воля, независимость суждений, неутомимая жажда познания. Он готов взяться за трудную, ответственную работу, потому что верит в свои силы.

Первоначально, планируя свои исследования в Тихом океане, Миклухо-Маклай намеревался еще более углубиться в изучение беспозвоночных и рыб, специализироваться и далее в тех областях науки, где он успел проявить себя и завоевать определенный авторитет. Но эти намерения очень скоро он решительно изменил. Узкая специализация — верный путь к академической карьере — его совершенно не привлекала.

В то время складывалась российская школа антропологов. Увидела свет крупная работа молодого ученого А. П. Богданова «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» (1867), отмеченная почетным дипломом. Автор провел первые в России крупные археологические раскопки с обмером черепов древних россиян. Была устроена в Москве первая этнографическая выставка, и шла активная подготовка выставки антропологической. Столь благоприятная научная обстановка укрепила Миклухо-Маклая в намерении сопровождать зоологические исследования изучением человеческих племен и рас в юго-западной провинции Тихого океана, которую человек осваивал сложными и не вполне выясненными путями.

Обосновывая свой проект, молодой ученый писал: «Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией... Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны, еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами не казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — исследование первобытных народов — мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни».

Как только он твердо решил осуществить путешествие на малоизученные острова Тихого океана, для него началась по-

лоса тяжелых испытаний. Он не имел средств на далекую поездку и тем более на организацию экспедиции. Его имя было известно преимущественно за границей, где он опубликовал несколько статей (как специалиста по губкам, рыбам, сравнительной анатомии). Да и молод он был даже по оценкам того времени, когда справедливо считали ученого, достигшего 25 лет, находящимся в расцвете творческих возможностей. Он только что приступил к самостоятельным исследованиям, а этнографией и антропологией совсем не занимался. Кто согласится поручить серьезную, сложную и требующую определенных ассигнований работу человеку, еще не успевшему приобрести внушительный авторитет и желающему заняться новыми для себя науками?

Его предложение вызвало недоверчивое и недоброжелательное молчание. Он проявил настойчивость. Добился лишь того, что вице-председатель Географического общества Ф. П. Литке заявил: «Нам должно быть осторожными с этими бедовыми людьми, с учеными, к которым принадлежит господин Миклухо... Какой его авторитет в науке? Правда, ученый секретарь общества блестящий географ П. П. Семенов поддержал намерения Миклухо-Маклая. Однако в ответ на его рекомендательное письмо авторитетные биологи А. М. Бекетов и К. Ф. Кесслер заявили, что Миклухо-Маклай «недостаточно заявил о своей учености».

Впору было отчаяться и переменить свои планы в соответствии с реальными возможностями. Ему была предложена более приемлемая программа исследований. Географическое общество согласилось ассигновать 1200 рублей, если он займется изучением фауны русской северной части Тихого океана.

Этот вариант он решительно отверг: «Хотя получение суммы 1200 р. мне было бы приятно, но я с удовольствием откажусь от нее, если ее получение идет наперекор разрешению моих научных задач. Я убежден, что разрешение этих задач, хотя даже не полное, может принести немалую пользу нашим знаниям, и я им не изменю ради нескольких грошей, если бы даже гроши превратились в рубли».

Оценим по достоинству гордое заявление ученого. И во времена студенчества и позже ему приходилось подсчитывать буквально каждую копейку, носить костюмы до тех пор, пока они не расползались от ветхости, жить впроголодь, путешествовать на скупые пожертвования. Он не выходил из бедности. 1200 рублей были для него огромной суммой, а поручение Географического общества открывало верный путь в академическую науку. Но не в его характере было приспосабливаться к обстоятельствам. Он избрал путь преодоления. И победил.

Он добился личного свидания с Ф. П. Литке. В разговоре дипломатично и с большим знанием дела упомянул о путешествиях и исследованиях старого адмирала в Тихом океане.

И вот Ф. П. Литке согласен ходатайствовать перед морским министерством принять естествоиспытателя Миклухо-Маклая на борт военного корабля для совершения путешествия к берегам Тихого океана. Географическое общество поддержало, после вполне естественных сомнений, смелую инициативу молодого ученого. Позже Миклухо-Маклай с благодарностью отмечал роль Географического общества в научной подготовке и организации его экспедиций.

...Многие из тех, кто знал о предстоящем путешествии Миклухо-Маклая, оставались в недоумении. Чем объяснить подобный отчаянный поступок: решение в одиночку отправиться в едва ли не самый неведомый и дикий край земли? Потрясающая наивность? Сумасбродство? Авантюризм? Недальновидность? Разве не ясно ему, как мало шансов вернуться живым? Мыслимо ли провести даже малую долю тех работ, которые поручило ему сделать Географическое общество: несколько крупнейших специалистов в разных областях знания дали ему свои рекомендации относительно методики предстоящих исследований.

Действительно, намеченные изыскания были столь обширными, что требовали не одного года работы целой группы ученых. Это, конечно, понимал Миклухо-Маклай. Он ориентировался на предельные нагрузки; брал на себя непосильный труд. Было ли это проявлением его непредусмотрительности? Нет, ни в коем случае.

Всякий, кому приходилось участвовать в дальних и непростых экспедициях, знает, как важно учесть возможные неожиданности и постоянно иметь в виду максимальные результаты, сверхзадачи (одновременно памятуя о главном). Чем слабее исследователь, тем более простые и легко выполнимые задачи он ставит перед собой. Выдающиеся ученые берутся за такие проблемы, которые после них продолжают целые поколения исследователей. В этом, пожалуй, главная особенность крупных научных открытий: они не столько «закрывают», исчерпывают проблемы, сколько открывают широкие горизонты для дальнейших разработок.

В одном отношении планы Миклухо-Маклая заведомо не могли реализоваться. Даже собрав гигантский материал, произведя обширные и разнообразные наблюдения, он вряд ли сумел бы их должным образом обработать. В отличие от многих знаменитых западноевропейских путешественников, он неохотно писал о своих исследованиях, не старался издавать много своих трудов. На эту его особенность обратил внимание замечательный русский ученый, князь, революционер, путешественник П. А. Кропоткин:

«Миклухо-Маклай... принадлежал к той же категории людей, которые могли бы сказать гораздо больше, чем высказывали в печати. Он был маленький, нервный человек, постоян-

но страдавший лихорадкой. Когда я познакомился с ним, он только что возвратился с берегов Красного моря... Миклухо-Маклай поставил себе правилом, которому неуклонно следовал, быть всегда прямым с дикарями и никогда их не обманывать даже в мелочах, даже для научных целей. Когда он впоследствии путешествовал по Малайскому архипелагу, к нему на службу поступил туземец, выговоривший, чтобы его никогда не фотографировали... И вот однажды, когда дикарь крепко спал, Маклаю, собиравшему антропологические материалы, страшно захотелось сфотографировать своего слугу, так как он мог служить типичным представителем своего племени. Дикарь, конечно, никогда бы не узнал про фотографию, но Маклай вспомнил свой уговор и устоял перед искушением. Эта мелкая черта вполне характеризует его... Этот замечательный человек, напечатал, однако, лишь самую незначительную часть своих поистине драгоценных наблюдений».

Да, так уж вышло: увлеченный научными поисками, работая подчас на пределе сил и рискуя жизнью, он без особого энтузиазма выполнял заключительную фазу исследований — обработку и публикацию добытых материалов. При жизни ученого не вышла в свет ни одна из его крупных работ, а значение его исследований недооценивалось.

Глава **4.**

ОСТРОВА ЮЖНЫХ МОРЕЙ

О, таинственные и благословенные острова южных морей! Издавна европейские мореплаватели стремились сюда. Здесь обитали антиподы — жители «обратной» стороны земного шара. Здесь все было не так, как в привычных водах северного полушария. Чудовищные морские змеи высовывали из воды свои глянцевые шеи; гигантские кашалоты вдребезги разбивали деревянные корабли; щупальцы колоссальных спрутов тянулись на палубы; стаи серебристых рыб вспархивали над волнами, как птицы; морские девы с рыбьими хвостами удивленно взглядывали на моряков; страшные штормы с корнем вырывали пальмы и сметали все живое с поверхности атоллов; а то в тумане в полный штиль возникал странный корабль и шел по неведомой трассе под черным пиратским флагом и с командой мертвецов...

Много необычайного рассказывали о южных морях, где островитяне живут по законам дремучих джунглей. В начале нашего века Джек Лондон, певец романтики, приключений, писал об этом крае: «Там до сих пор свирепствует тропическая лихорадка, и дизентерия, и всякие кожные болезни; воздух там насквозь пропитан ядом, который, просачиваясь в каждую царапину и ссадину, превращает их в гноящиеся язвы, так что редко кому удается выбраться оттуда живым, и даже самые крепкие и здоровые люди зачастую возвращаются на родину жалкими развалинами».

Далекие тропические острова притягивали к себе не только охотников за наживой, но и романтиков, искателей приключений, желающих жить раскованно и рискованно, испытывать острые ощущения. Среди подобных романтиков бывали не только неопытные юнцы, но и определенная категория путешественников-исследователей. Особенно привлекала Новая Гвинея, которая во второй половине прошлого века оставалась

крупнейшей на планете неведомой землей (не считая Антарктиды и Гренландии).

Новая Гвинея предоставляла Миклухо-Маклаю возможность не только продемонстрировать свою «неукротимость», но и сделать новые открытия. Однако его поступки полностью противоречили тем канонам поведения «белого человека», о которых писал Джек Лондон.

На какие открытия мог рассчитывать человек, не имеющий возможности надолго покидать свой затерянный в джунглях домик — не только по состоянию здоровья, но и при отсутствии помощников, оборудования, подходящих средств передвижения? Казалось бы, предприятие Миклухо-Маклая обречено на неудачу.

Он не был ни путешественником-авантюристом, ни искателем славы первооткрывателя; совершенно не походил на «романтика», искателя приключений, которого одолевает «охота к перемене мест». Он методично штудировал научную литературу, относящуюся к темам его предстоящих работ. Находясь на «Витязе» в кругосветном плавании, он добросовестно вел утомительные измерения и наблюдения, несмотря на приступы морской болезни и лихорадки. Капитан Назимов, видя плачевное состояние здоровья своего пассажира, настоятельно рекомендовал ему не оставаться на Новой Гвинее, что, по его мнению, было равносильно самоубийству. Миклухо-Маклай не изменил своих планов.

Точно регламентированная по законам военной дисциплины жизнь на корвете представлялась сугубо штатскому и единственному пассажиру невыносимой. Это была, по его словам, «плавучая казарма». Но подобные обстоятельства не мешали Миклухо-Маклаю успешно провести на борту корабля научные исследования. Ему охотно помогали офицеры, отдавая должное его мужеству и настойчивости.

Миклухо-Маклай неоднократно проводил замеры температуры в океане на разных глубинах. Делать такие замеры с помощью примитивных приспособлений было хлопотно и трудно. Он справился со своей задачей. О результатах наблюдений сообщил Географическому обществу. Статьи его, опубликованные без промедления уже весной 1872 г., снабжены графиками и таблицами. Автор доказал несостоятельность мнения (высказанного А. Гумбольдтом) о том, что температура в океане всегда понижается при приближении к берегу. Миклухо-Маклай показал, что так происходит далеко не всегда.

«Витязь» миновал остров Рапа-Нуи (Пасхи), сделав здесь лишь небольшую остановку. Путешественник не имел возможности обследовать остров, но все-таки посвятил его описанию несколько страниц. Судя по этой заметке, Миклухо-Маклая интересовали различные сведения об острове, затерянном в просторах Тихого океана.

Во время пребывания в Чили Николай Николаевич посетил этнологический музей, тщательно собрав сведения об острове Рапа-Нуи. Он пришел к мнению: культура островитян изучена недостаточно. Ученых прежде всего интересовали знаменитые и загадочные каменные колоссы, созданные на острове в незапамятные времена неизвестными людьми. По мнению Миклухо-Маклая, следовало внимательно изучать все проявления культуры островитян. Очень важно было разгадать тайну «кохау ронго ронго»— говорящего дерева — табличек с выбоинками в виде первобытных писем. Некоторые ученые пришли к мнению, что это — колотушки для выделки тапы — материи из древесных волокон, а «иероглифы» — обыкновенные выбоины. Миклухо-Маклай оспорил такую точку зрения и снял копии с «говорящих досок». К этому времени на острове уже не оставалось никого из тех, кто умел читать деревянные письмена, да и не сохранилось здесь ни одного крупного дерева...

Интересовался Миклухо-Маклай и причинами вымирания островитян. Он привел сведения об уменьшении населения. Среди причин этого явления упомянул о скудности пищи (что приводило к периодическому людоедству), а также о тяжелом положении женщин. По-видимому, мнение русского путешественника совершенно справедливо: по мере увеличения населения происходило истощение ограниченных природных ресурсов острова; были уничтожены почти все деревья и наиболее плодородные почвы, после чего начались острые социальные неурядицы и вымирание островитян.

Преодолев немалые трудности и проведя ряд исследований, Миклухо-Маклай с двумя помощниками начал свою научную деятельность на Новой Гвинее. Впрочем, очень скоро выяснилось, что рассчитывать ему можно только на себя. Ульсон постоянно хандрил и трусил.

Страницы дневника, воскрешающие ночь смерти Боя, производят сильное впечатление.

«Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете неровно горящей лампы происшествия дня». Он предчувствовал беду и с утра готовился спрятать, в случае нужды, свои документы. Пытался, чем мог, облегчить страдания Боя: «...его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не мог...»

Тело умершего Боя следовало скрыть от туземцев, чтобы не возбудить у них желания расправиться с оставшимися непрошенными гостями. (Миклухо-Маклай сохраняет спокойствие и производит некоторые анатомические операции. К ужасу Ульсона, он собирается оставить мозг Боя для исследования (намерение не осуществилось из-за отсутствия соответствующей посуды). В темноте они переносят тело в лодку и выходят в море. К ним неожиданно приближаются огни: это туземцы с

факелами плывут, занимаясь рыбной ловлей. К счастью, встречи удалось избежать, хотя револьверы пришлось держать наготове.

«От огней на пирогах ложились длинные столбы света на спокойной поверхности моря. От каждого взмаха весел вода светилась тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его.

Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим...»

С утра явились папуасы. Туй заговорил о Бое. Надо было отвлечь гостей от этой темы. Миклухо-Маклай принял великолепное решение. Он показал фокус. Налил в блюдечко спирт. Поставил блюдце на веранде. Пригласив сюда гостей, взял стакан воды, отпил и дал попробовать воду Тую. Присутствующие с величайшим интересом следили за происходящим. К спирту Маклай добавил немного воды из стакана, зажег спичку и поднес к блюдцу. Спирт вспыхнул. Изумленные туземцы отшатнулись и замерли. Маклай выплеснул горящую воду на землю. Среди гостей началась тихая паника. Они поспешили уйти, а через десяток минут вернулись в сопровождении целой толпы. Все уговаривали Маклая показать горящую воду. Опыт был повторен с еще более сильным эффектом. Часть зрителей остолбенела, а часть бросилась наутек с криками: «Маклай, не зажигай море!»

Слухи о могуществе Маклая быстро распространились по окрестным деревням. К тамо-русс стало обращаться за помощью множество больных. О причинах отсутствия Боя Маклай ничего не сказал (лжи он не терпел, а говорить правду было слишком опасно). Туземцы решили, что Бой, по воле Маклая, улетел далеко-далеко, в таинственную Русь...

Мне очень хотелось бы рассказать как можно подробнее о первом пребывании Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи, который с полным правом называют берегом Маклая. Однако ограничимся отдельными эпизодами и общими замечаниями.

Искренностью, мужеством и терпением добивается Маклай полного доверия со стороны туземцев. Он не навязывается к ним в друзья и не стремится демонстрировать им свое могущество. Никогда их не обманывает. Всегда держит свое слово, благодаря чему появилась даже поговорка: «Балан Маклай худи» (слово Маклая одно).

Он изысканно вежлив. При его появлении из деревни убегают прятаться женщины и дети (а с ними подчас и собаки со свиньями); он обзавелся свистком, чтобы предупреждать жителей о своем приближении. Записал: «Я много раз замечал,

что туземцам очень нравится мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать». В конце концов его перестала бояться женская половина населения. Сначала он познакомился с женой Туя, пожав ей руку (что очень понравилось окружающим). Потом каждый мужчина представил гостя (вновь проходил обмен рукопожатиями). В честь знакомства женщины преподнесли Маклаю так много подарков, что нести их пришлось двум туземцам.

Приобретать черепа для научных исследований оказалось не так-то просто. Не потому, что местные жители были охотниками за черепами и очень дорожили этими трофеями. Напротив, к черепам у них не было особого интереса (только нижние челюсти часто использовались как браслеты, по-видимому, в память об умерших). Причина была курьезнее — русские моряки, побывавшие на берегу, старались заполучить черепа, обменивали их на разные безделушки, воображая, будто приобретают ужасные трофеи диких охотников, а может быть, и людоедов. Эта «охота за черепами» весьма озадачивала местных жителей, которым она представлялась странной и дикой.

Немало затруднений и недоразумений возникало при изучении языка папуасов. Каждая деревня имела свое наречие. Сравнительно легко было узнать названия предметов. Но чтобы выяснить обозначения определенных действий или признаков, требовались порой недели, а то и месяцы. И папуасы в свою очередь изучали язык Маклая, стараясь постичь и повторять его слова. Доходило до нелепостей. Каким-то образом возникло слово «киринга», которое, по мнению Маклая, обозначало «женщина». А папуасы были уверены, что слово это русское!

Маклай, в сущности, не вел специальных научных изысканий, не делал изощренных опытов для выяснения быта, верований и психики папуасов. Он просто жил среди них. Он общался с ними, как друг. А вечерами записывал свои впечатления.

Наблюдает он и за собой: «При моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо... Руки мои и прежде не отличались особенной нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, порезами и ожогами; каждый день старые поджи-вают, а новые появляются».

Или другое замечание: «Становлюсь немножко папуасом: сегодня утром, например, почувствовал голод во время прогулки и, увидев большого краба, поймал его и съел сырого...» Но все-таки о себе он пишет мало и не без иронии. Заниматься самонаблюдениями он не любил.

Постоянное общение с местными жителями привело к тому,

что главными его занятиями сделались антропология и этнография. Например, ему очень хотелось проверить мнение о «шерстистости» и «пучковатости» волосяного покрова папуасов. Проверка затруднялась пышными шевелюрами островитян, взбивающих гребнями волосы на голове в виде огромных шапок. Однажды ему попался на глаза мальчик с низко подстриженными волосами. Маклай долго и тщательно изучал голову мальчика, чем сильно обеспокоил взрослых. Они, возможно, опасались, что Маклай пожелает забрать себе голову мальчика (ведь тамо-русс почему-то очень ценят человеческие черепа!). Осмотр дал прекрасные результаты: без сомнения, волосы у папуасов растут точно так же, как и у европейцев. Был опровергнут один из доводов теории расового неравенства.

Между прочим, с целью приобретения для исследований волос папуасов Маклаю приходилось обмениваться с ними прядями волос, вследствие чего прическа его находилась в довольно плачевном состоянии.

Конечно, туземцы имеют немалые психические отличия от цивилизованных народов. Они более непосредственны, подвержены вспышкам бурных чувств, почти вовсе не предаются заботам о будущем... Впрочем, прошлое они помнили. В одной из деревень трое жителей пожаловались Маклаю на то, что «тамо-русс» (из команды «Витязя» — год назад) взяли у них без спросу несколько вещей. Маклай не стал выяснять, справедливы ли эти притязания, а передал потерпевшим подарки. Это вызвало взрыв восторга, и многие жители заголосили: «Маклай — хороший, хороший человек!»

20 сентября 1872 г. Миклухо-Маклай записывает в дневнике: «Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и в случае нужды я могу быть уверенным в их помощи. Я готов и буду рад остаться несколько лет на этом берегу. Но три пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов».

Положение его было значительно более серьезным и опасным. Постоянные болезни истощали его силы. Он совершил несколько далеких экскурсий в горные деревни, рискуя разбиться насмерть на скалах; и вскоре состояние его здоровья резко ухудшилось, он уже с трудом поднимался на невысокие холмы. Теперь его судьба все больше и больше зависела от местных жителей. Они постоянно заботились о нем, помогали на охоте, при долгих переходах, при ремонте хижины. Приглашали его на свои пиршества, присылали при случае провизию на дом и упрашивали остаться с ними навсегда, предлагая

в этом случае построить для него по хорошему дому в каждой деревне с полным обслуживанием.

Слава о тамо-русс Маклай или, как его еще называли, каарам-тамо (человек с Луны) разнеслась по окрестным островам и селениям. Близкие соседи Маклая охотно рассказывали жителям других деревень о чудесах, на которые способен каарам-тамо: извлекать из щепки огонь, поджигать воду и т. д. Обычно способности Маклая сильно преувеличивались, чтобы показать, какой могущественный человек дружит с тамо-бонгу и тамо-горенду. Однако сам Маклай избегал демонстрации чудес и старался не вмешиваться в дела местных жителей. Ему не хотелось превращаться в руководителя и повелителя. Как всякий независимый и благородный человек, он не любил без особой нужды подавлять волю других людей, командовать и принимать изъявления раболепия, преклонения.

Судя по дневникам, у Миклухо-Маклая никогда не появлялась мысль (или даже ощущение, подсознательное чувство) о своем превосходстве над окружающими. Он с удовлетворением отмечает значительное сходство свое с «дикими» папуасами, духовную близость с ними. Во время посещения острова Били-Били, он заметил: туземцы делали вид, будто очень рады гостю, но по выражению их лиц можно было понять, что затянувшийся визит тамо-русс начал их тяготить. (Подобные сцены нетрудно наблюдать во всяком обществе.)

Миклухо-Маклай записал: «Чувство это я нашел вполне естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть, вполне натурально».

Стремление побыть одному для Миклухо-Маклая часто объяснялось необходимостью записывать свои наблюдения и обдумывать полученные результаты. Как мы знаем, целый ряд крупных ученых предложили ему перечень вопросов, на которые он должен был, по возможности, ответить. Из этих вопросов около 16 относились к физической географии и метеорологии, более 55— к этнографии и антропологии и столько же — к экономике папуасов и демографии. Столь обширная программа вызывала у него вполне понятные сомнения. Однако, доложив о ней на общем собрании Географического общества, он счел нужным подчеркнуть:

«Вышеизложенная программа не рассматривается мною критически. Собирая эти научные desiderata (пожелания), я хотел только выслушать все то, что могут от меня требовать специалисты по разным научным отраслям. Насколько и каким образом могут быть исполнены эти задачи — скажется на месте. С своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы мое предприятие не осталось без пользы для науки».

Он самым добросовестным образом, вопреки всем трудностям, стремился выполнить свою непомерно обширную программу. И это ему в значительной степени удалось. Причем он не просто искал ответы на вопросы, высказывая свое мнение, а главным образом собирал и с предельной точностью фиксировал факты. Его полевые материалы носят характер документов, а не личных впечатлений и предположений. Это действительно научные сведения — без прикрас и домыслов.

Мы уже знаем, что Миклухо-Маклай не любил писать научные труды, отдавая предпочтение полевым наблюдениям, добыванию фактов. И все-таки нашел в себе силы в труднейших условиях не только вести дневники, но и написать обстоятельную научную статью: «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее».

В статье Миклухо-Маклай привел основные характеристики физического типа папуасов и некоторые их обычаи. Он доказал несостоятельность мнения о принципиальных расовых отличиях папуасов от представителей кавказской (европейской, арийской) расы. Например, отметил вариации цвета кожи туземцев в разных районах, в разных семьях, а то и среди близких родственников. Индивидуальные различия и в этом случае оказываются существенными.

Во время своего первого посещения Новой Гвинеи Миклухо-Маклай не упомянул о случаях людоедства. По-видимому, надежных фактов у него не было, а заниматься расспросами он не желал. Позже выяснилось, что бывают и случаи каннибальства. Ученый не позволяет себе никаких дополнительных высказываний. Любое его сообщение делается по-деловому, без расчета на эффект или сенсацию.

Его общие выводы имеют ту же особенность. Несмотря на молодость, ученый очень осторожен в своих обобщениях и не стремится теоретизировать. Оговаривается: «Моим стремлением было, следуя совету К. М. Бэра, наблюдать людей по возможности «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племен и рас». В течение следующих лет я надеюсь посетить еще несколько островов Меланезии и собрать там дополнительный материал по антропологии папуасов. Поэтому в ныне публикуемых заметках я избегал всяких предположений, сравнений и выводов».

В другой статье он пояснил свое нежелание делать обобщения так: «Я мог бы на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их миросозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал... С некоторой ловкостью можно было бы сплести интересную на вид ткань, в которой было бы нелегко отличить правду от вымысла. Такой образ действий, однако,

мне противен; он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того нелегкое для исследования поле воззрений и понятий расы, очень далекой от нас по степени своего культурного развития».

И все-таки один вывод он сделал. Не предположение, не теоретическое умозаключение, а очень точное обобщение фактов: раса папуасов распадается на несколько разновидностей не обособленных резко одна от другой.

По-видимому, в формировании папуасов немалую роль сыграло смешение разных рас.

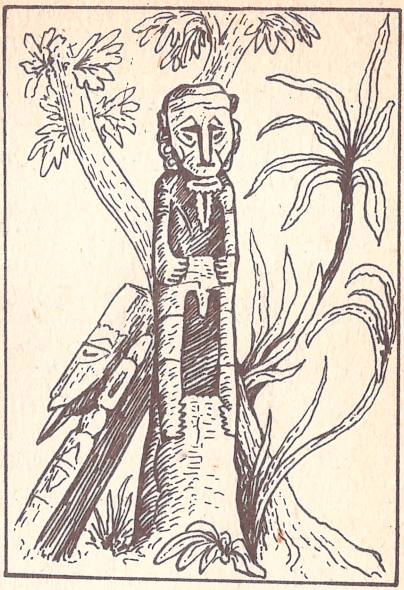


Рис. 14. Резной идол — телум/остров Били-Били/.

Очень интересны сведения Миклухо-Маклая о зачатках письменности папуасов. Ему довелось наблюдать, как производились подобные примитивные записи, и получить соответствующие пояснения. Правда, эти записи умели «прочесть» только их автор, либо небольшая группа лиц. Кроме этого, в память о событиях папуасы имели обыкновение сохранять отдельные предметы. Особенно бережно хранили они корзинки, в которых им соседи (или гости из других деревень) приносили подарки. Таков был прекрасный обычай добропамятности.

Много внимания уделил Миклухо-Маклай изучению и зарисовкам идолов (телумов). Два из них особенно любопытны. Один представлял изображение человека с головой крокодила и черепахой на голове. Другой — человека, держащего в руках таблицу, покрытую непонятными знаками. Оказалось, это — копия со старинного телума. Ученый не высказал своего мнения по поводу этих изображений (кроме того, что они, возможно, связаны с религиозными представлениями). Позже исследователи вполне правдоподобно предположили: идолы изображают почитаемых предков.

По некоторым данным, было время, когда островитяне Тихого океана, включая жителей Новой Гвинеи, имели более развитую культуру, в частности знали металл. Возможно, древние племена, отважные мореплаватели, заселявшие южные острова Тихого океана с берегов Азии (и Южной Америки?), стояли на более высоких ступенях цивилизации. Но после того, как закончился «героический период» их истории, они вынуждены были встать на путь приспособления к окружающим

природным условиям: обживались на открытых островах, меняли уклад жизни и тип хозяйства, отчасти упрощая свои обычаи, навыки, верования — в соответствии с той первобытной природной средой, которую им приходилось осваивать.

Кстати, по наблюдениям Миклухо-Маклая, дети у папуасов имеют светлую кожу и некурчавые волосы. Это относилось, в частности, к одной новорожденной девочке, которой, по просьбе родителей, имя дал Маклай (выбрали — Мария). Чем объясняется более светлый цвет кожи у папуасских детей? (То же наблюдается и у негров.) Не исключено, что это — проявление признака давних предков.

Но это все — предположения, домыслы, гипотезы, которых так избегал Миклухо-Маклай. В популярной книге можно дать волю фантазии. В научных статьях это — неоправданная вольность.

Хочется упомянуть еще об одном виде сообщений русского путешественника о нравах «дикарей». В те времена на этот счет существовали самые разные мнения и предрассудки. Многих представителей европейской цивилизации (из числа обывателей) тешила мысль о том, что есть на свете существа несравненно более низкие по культуре, чем они: существа, не имеющие понятия о стыде, долге, чести, совести. И вот — заключение Миклухо-Маклая: «Я думаю, что в нравственном отношении папуасские девушки могут поспорить с европейскими, воспитанными в лицемерии и показном целомудрии».

Смелое заявление. Подобные высказывания ученого раздражали самолюбие обывателей. Самые активные из них постарались при случае отомстить Миклухо-Маклаю, печатая на него непристойные карикатуры и пасквили. Но мы знаем, что ученый более всего заботился о точности, писал и говорил только правду.

Он подмечал с одинаковой проницательностью и достоинства и недостатки своих друзей из Новой Гвинеи. Но как не отметить, что так называемые «дикие» папуасы очень любят детей! Их дети обычно веселы, плачут и кричат редко. Отец относится к детям нежнее, чем мать, обремененная хозяйственными заботами, делает им игрушки, лодочки например. «Ребенок уже в детстве научается практически своим будущим занятиям и еще маленьким мальчиком становится серьезным и осторожным в обхождении». Нередко малыш лет четырех пресерьезно носил дрова, разводил костер, мыл посуду, помогал отцу чистить плоды, а в перерывах между этими «взрослыми» занятиями подбегал к матери, кормящей грудного младенца и тоже принимался сосать.

В подобных сценах из жизни ощущается не только наблюдательность автора, но и его доброжелательность. Иногда говорят, что наиболее точны бесстрастные наблюдения. Но это

правило оправдывается далеко не всегда. От равнодушного взгляда ускользает порой самое главное.

Чтобы узнать человека или жизнь общества, надо не только обзавестись знаниями и умением наблюдать, анализировать, обобщать. Традиционные методы науки тут полезны, но недостаточны. Надо уметь жить среди людей, сочувствовать им, переживать среди них и вместе с ними тревоги, опасности, печали, радости.

«Расспросы у туземцев об их обычаях,— писал Миклухо-Маклай,— вследствие многих причин мало помогают, так как приводят к ошибкам или воображаемому разрешению вопросов. Единственный надежный путь — видеть все собственными глазами, а затем, отдавая себе отчет о виденном, надо быть настороже, чтобы полную картину обычая или обряда дало не воображение, а действительное впечатление наблюдения. Мне даже кажется полезным быть еще осторожнее: следует удерживаться при этом описании виденного от всякого рода гипотез, объяснения и т. п.».

Таковы требования научного метода исследований. Миклухо-Маклай придерживается их неукоснительно. Поэтому его сообщения остаются в науке, не старея и, пожалуй, приобретая со временем дополнительную ценность.

Для Миклухо-Маклая пребывание на далеком неизвестном острове значило значительно больше, чем интересная и плодотворная научно-исследовательская экспедиция. «Мне удалось,— считал он,— многое сделать по разным отраслям науки в Новой Гвинее, не говоря уж о счастье, доставшемся мне на долю, наблюдать и жить среди самого первобытного из человеческих племен, потому что до меня никто положительно не был в этом месте Новой Гвинеи, и папуасы воображали себя единственными жителями земного шара».

Глава **5.**

ПОПУЛЯРНОСТЬ

Степень «популярности» человека часто пропорциональна количеству публикуемых на него пародий, шаржей, рассказываемых о нем былей и небылиц. В этом отношении Миклухо-Маклай не был исключением. В русских популярных журналах его путешествиям сначала посвящали небольшие заметки, затем — объемистые статьи и, наконец, появились каррикатуры и анекдоты.

Многие просвещенные граждане искренне недоумевали и посмеивались — ну, что за ажиотаж вокруг господина Миклухо? Что он сделал особенного? Остров открыл, зверя обнаружил диковинного или племя дикарей новое? Нет, нет и нет!

А этот человек открыл нечто значительно большее, чем многие знаменитые путешественники. Об этом хорошо сказал выдающийся советский географ и биолог Л. С. Берг: «Среди великих путешественников прошлого века Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) занимает совершенно особое место. В то время как другие географы открывали новые, доселе неизвестные земли, Миклухо-Маклай стремился прежде всего открыть человека — среди исследовавшихся им «первобытных», т. е. не затронутых европейской культурой народов».

Безусловно, чтобы это понять и оценить, потребовался определенный срок. Поначалу его статьи без промедления печатались в «Известиях Географического общества» — по-деловому, как и подобает научным материалам. Знакомились с ними преимущественно специалисты. В общедоступных журналах сообщения о путешествиях Миклухо-Маклая стали публиковаться чуть позже. Осенью 1872 г. в печати появились заметки о том, что, по сообщениям немецких и английских мореплавателей, Миклухо-Маклай погиб.

Трагическая развязка его предприятия была более чем вероятна. Сам путешественник оставил перед отъездом конверт

с завещанием. Состояние его здоровья еще на «Витязе» внушало серьезное беспокойство.

И вот в «Кронштадтском вестнике» появилась статья, вернее, даже некролог, сообщение о смерти: «Экспедиция Миклухо-Маклая и его кончина». Среди прочей информации там говорилось: «По последним сведениям, г. Миклухо-Маклай скончался в Новой Гвинее от злокачественной лихорадки. Было бы очень желательно, чтобы кто-либо из знавших покойного составил его биографию. Г. Миклухо-Маклай — редкий тип мучеников науки, пожертвовавший жизнью для изучения природы».

На поиски путешественника был направлен клипер (трехмачтовое быстроходное судно) «Изумруд». В состав его команды включили офицера А. Раковича — участника кругосветного плавания «Витязя», знавшего местоположение тайника с документами Миклухо-Маклая. После трудного перехода по неизвестным водам, усеянным коралловыми рифами и банками, вспоминал Ракович, клипер приблизился к заливу Астролябия. Офицеры направили подзорные трубы и бинокли на берег, едва надеясь увидеть какие-либо признаки «робинзонов». Волнение моряков было так велико, что офицер, первым заметивший мачту с русским флагом, не сразу смог доложить об этом командиру. Клипер прибавил ходу. Показался домик. Две пироги отошли от берега, направляясь к кораблю. Можно было различить среди гребущих туземцев какого-то европейца. Ульсон? Несколько минут сомнений... Маклай!

Клипер остановился, выпуская пар, как бы тяжело отдуваясь. На мостике выстроились офицеры. Команда высыпала на ванты, снасти. Радостное могучее «ура!» грянуло над заливом. Папуасы от страха попадали в воду. Маклай поднялся на палубу. Он был в потертой фланелевой рубахе, рваных штиблетах, с кинжалом и револьвером за поясом, с сумкой через плечо, в ветхой соломенной шляпе — настоящий Робинзон Крузо!

Бурная встреча и шумные разговоры быстро утомили путешественника. М. Н. Кумани, капитан «Изумруда», предложил ему поселиться на клипере, поручив перевозку вещей с берега одному из молодых офицеров. Миклухо-Маклай неожиданно нахмурился:

— А кто Вам сказал, Михаил Николаевич, что я поеду с Вами на клипере? Это далеко еще не решено. Полагаю, Вам будет возможно уделить мне немного провизии, забрать Ульсона и мои письма до ближайшего порта. Мне предстоит еще много дел по антропологии и этнологии здешних туземцев. Прошу Вас позволить мне ответить завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь здесь.

Это заявление вызвало недоумение. Некоторые офицеры решили, что соотечественник в результате лишений и тягот потерял рассудок.

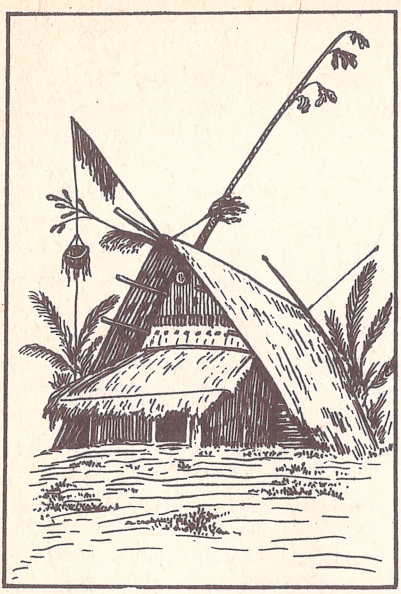


Рис. 15. Общественное жилище папуасов — дарем /деревня Бай/.

Поведение путешественника выглядело странным. Он бегло разговаривал на местном наречии и ходил с туземцами по кораблю, как гид, весьма живописно: подвязанный веревкой, за концы которой держались две гирлянды папуасов. (Сделать так пришлось потому, что местные жители, пугаясь, цеплялись за Маклая; с помощью веревки они были как бы привязаны к нему.) Наибольшее впечатление на папуасов произвели два невиданных зверя по имени «бик» (это были два бычка).

Делегации из нескольких деревень пришли к Маклаю с просьбой остаться у них. Он уверил своих темнокожих друзей, что вскоре вернется (не сомневался в этом, узнав, что одно голландское судно будет обследовать берега Новой Гвинеи). В честь него устроили на берегу праздничные пиршества, в которых участвовали сотни новогвинейцев...

Клипер «Изумруд» направился к Филиппинским островам. В России с возрастающим любопытством и нетерпением ждали возвращения отважного путешественника. Однако он не намерен был наслаждаться на родине заслуженным триумфом. Сообщил секретарю Географического общества: «После трудного, но небезуспешного начала я более, чем когда-либо, намерен продолжать начатое и надеюсь в продолжение этого года направиться снова на Новую Гвинею»...

Матери он пишет: «Хотелось бы мне очень хотя бы на короткий срок повидать вас, но придется еще подождать. Неужели вы бы захотели, чтобы я начатое бросил, захотели бы, чтобы оправдалось мнение многих: что русский человек хорошо начинает, но у него не хватает выдержанности, чтобы так же кончить. Как только смогу — сейчас же к вам! Слова никогда не забываю.

Замечу только, что благодаря моей нервной, эластичной и крепкой натуре, которую вы понимаете, потому что и сами ее имеете, я перенес все хорошо, здоров и готов на все, что потребуется для новых путешествий и исследований».

Деловое письмо председателю Географического общества великому князю Константину Николаевичу он заканчивает так: «Моим исследованиям и путешествиям я не предвижу еще

конца и не предполагаю вернуться в Россию ранее нескольких лет, когда моими научными исследованиями я докажу себя более достойным оказанной мне помощи и сочувствия».

Своему другу со студенческой скамьи князю А. А. Мещерскому он признается: «Мне делается совершенно ясным, что мне не придется жить более в Европе, и это по двум причинам. Природа, воздух, обстановка жизни под тропиками мне положительно более по характеру и вкусу. Вторая причина и еще более непреодолимое препятствие жить в Европе будет невозможность устроить себе там независимую и комфортабельную жизнь...

Закабалить себя кафедрою, связать с каким-нибудь захолустьем, хотя бы и Петербургом,— на то у меня не было и не будет никакого желания».

...«Изумруд» посетил два острова Молуккского архипелага — Тидор и Тернате, которыми управляли султаны, находившиеся в зависимости от Голландии. Султан Тидорский, наслышанный о славном путешественнике, назвал именем «султана Маклая» своего новорожденного принца. На острове сохранялось рабство. Местный властитель подарил Маклаю папуасского мальчика по имени Ахмат — бойкого, смышленого, но не всегда послушного. Он быстро выучился говорить по-русски.

На Филиппинских островах Миклухо-Маклай постарался выполнить одно из поручений Бэра: отыскать остатки первобытного населения, изучить их, обращая особое внимание на строение черепа. По некоторым данным, филиппинские негритосы — широкоголовые (брахицефалы) в отличие от длинноголовых (долихоцефалов) папуасов.

На рейде в Маниле (о. Люсон) «Изумруд» стоял несколько дней. Этим воспользовался Миклухо-Маклай: переплыл на туземной лодке залив и с проводником отправился в горы. В низеньких лачужках приветливых негритосов он провел три дня, успев убедиться, что местные жители по облику, манерам, обычаям, быту очень похожи на папуасов, однако резко отличаются от них по типу черепа. Папуасы — длинноголовые, негритосы — круглоголовые. Ученый сделал верный вывод: форма черепа не определяет психических свойств человека. Он опроверг еще один предрассудок расистов и обосновал идею о значительном разнообразии расовых признаков, не сводимых к какому-то главному показателю, скажем к форме черепа.

Имя его обрело широкую известность. «Благодаря разным английским газетам,— пишет он,— которые сперва похоронили, а потом возвестили о моем воскрешении из мертвых, все стараются знакомиться со мной, что доставляет мне иногда изрядную скуку». Воспользуясь приглашением генерал-губернатора Явы, Миклухо-Маклай поселяется в его резиденции в городе Бейтензорге (что переводится — «Беззаботный»). Дей-

ствительно, здесь прошло для Миклухо-Маклая полгода беззаботного существования. Наконец-то ему не приходилось заботиться о самом необходимом... Испытание благополучием порой выдержать непросто: ученый переживает периоды апатии. Впрочем, более существенно затрудняют работу участившиеся приступы лихорадки. Врачи не советуют ему предпринимать новое путешествие.

В феврале 1874 г. Миклухо-Маклай направился на юго-западный берег Новой Гвинеи (Папуа-Ковиай), где основательно похозяйничали малайцы, а затем голландцы. Контакты папуасов с «более развитыми» цивилизациями распространили среди местного населения разбой, войны. Однако и здесь русский путешественник сумел завоевать доверие и радушие. Организовал базу на мысе Айва и отправился в глубь страны. В его отсутствие на базу было совершено бандитское нападение, сопровождавшееся грабежом и убийствами.

Поощрял нападавших местный вождь, «капитан» Мавары. Миклухо-Маклай с двумя слугами отправился на берег, где стояла пирога Мавары и было много его «подчиненных». Маклая это не остановило. Он сорвал циновку, служащую крышей пироги. Огромный «капитан» дрожал от страха. Маклай приставил револьвер к голове разбойника. «Я беру этого человека,— сказал он столпившимся папуасам, некоторые из которых были вооружены.— Он грабил мои вещи. А на вас не сержусь. Помогите моим людям перенести мои вещи из хижины на лодку». Обошлось без кровопролития. Мавары был увезен и передан голландским властям.

Миклухо-Маклай в случае необходимости мог превратиться из непротивленца в яростного и активного противника зла. В иные моменты он поступал на манер отчаянных флибустьеров. Во время шторма, когда их жалкая лодка-урумбай трещала по всем швам и дала течь, а рулевой упал на колени, закрыв лицо руками, Маклай выхватил револьвер и заставил его взяться за руль и бороться с ураганом.

Результаты поездки на Папуа-Ковиай: обнаружение неизвестного горного озера с интересной фауной (и обилием крокодилов); открытие пролива, не нанесенного на карты; интересные наблюдения за повадками сорных кур, насыпающих огромные кучи мусора для выведения яиц; антропологическое изучение горных папуасов и составление словаря диалектов всего побережья.

Вновь он показал себя не только превосходным натуралистом, но и проявил благородство и силу духа. В экспедицию к горным папуасам, славящимся жестокостью и людоедством, отправился без вооруженного конвоя. Закончив путешествие, обратился к голландским властям с письмом, где описал тяжелое положение жителей Папуа-Ковиай и предложил принять меры для восстановления здесь мира и спокойствия.

Едва оправившись от очередной серии болезней, он в конце 1874 г. предпринимает новое тяжелейшее путешествие — в глубь полуострова Малакка в поисках неизученных племен лесных людей (оран-утан). Время для экспедиции было выбрано неудачно. Настал период дождей. Нередко приходилось идти в лесу, залитом водой. То и дело попадались болота, непролазные заросли, ручьи и реки. Досаждали комары, пиявки, сколопендры.

Передвигаясь то пешком, то в лодке, путешественник с Ахматом и проводником пересек водораздел Бенгальского залива и Южно-Китайского моря. Два месяца продолжалась изнурительная экспедиция. Удалось не раз встретиться с загадочными оран-утан. Миклухо-Маклай отметил у этих людей признаки смешения с другими племенами, возможно, даже папуасами.

После вынужденного перерыва (опять болезни!) он еще раз отправляется в дебри Малаккского полуострова. Пользуясь покровительством махараджей и раджей, пересекает территории княжеств, сопровождаемый носильщиками, охраной. Часть пути проделывает на слонах. Политические и межплеменные распри делали его путешествие очень опасным. Никто не гарантировал, что в дебрях его минуют отравленные стрелы диких сакаев и семангов, не признающих никакой власти.

Миклухо-Маклай прошел этот путь. Он встречался и беседовал с сакаями и семангами. Услышал от них, что в горных лесах еще недавно жили громадные странные обезьяны «бру» (возможно, оран-утаны). «Это было,— пишет И. И. Пузанов,— из ряда вон выходящее достижение: Миклухо-Маклаю удалось пройти местами, не посещенными до него ни одним европейцем; рельеф страны, по которой проходил маршрут похода, представляет собою непрерывное чередование крутейших поперечных хребтов... Научные результаты обоих походов надо считать выдающимися для того времени, когда сведения ученых о примитивных народах, загнанных в дебри горных лесов Малайского полуострова, были чрезвычайно скудны».

К 1875 г. имя Миклухо-Маклая стало популярным в России. Его биография, эпизоды путешествий, наконец, его портреты помещались в газетах и журналах. В одном из номеров журнала «Пчела», в частности, говорилось: «Имя Миклухо-Маклая принадлежит к числу тех русских имен, которыми мы, русские, по справедливости можем гордиться... Наш ученый соотечественник своим оригинальным методом исследования и наблюдения природы и человека, своей неустрашимостью и самоотвержением ради науки успел уже приобрести очень громкую известность не только у нас, но и во всей Европе».

А путешественник, окончив экспедицию, забрал у нотариуса очередное свое завещание, где, между прочим, предлагал присоединить к коллекции черепов, собранных на берегу

Маклая, и свой собственный. Даже свою смерть он воспринимал как натуралист. А часть своих научных наблюдений не стал публиковать. Тут он поступил вопреки правилам ученых. Потому что некоторые собранные им сведения могли использовать в корыстных целях европейцы, начинавшие «прибирать к рукам» природные богатства этого края. По его мнению, публикация подобных сведений «под покровом научной пользы» было бы делом нечестным.

Беззаветная преданность науке никогда не могла отвлечь Миклухо-Маклая от высоких идеалов добра, человеколюбия. Зато над собой он не страшится делать самые разнообразные опыты. Например, находясь в Гонконге, решил испытать на себе действие курения опиума под наблюдением врача. Сам испытуемый делает вывод:

«Выкурив достаточную дозу опиума, приходишь в состояние глубокого покоя. Это состояние очень своеобразное, чувствуешь, что не хочешь ничего, абсолютно ничего.

Так как совершенно ни о чем не вспоминаешь, ни о чем не думаешь, то теряешь свое «я».

Подобный результат — отрешение от своей личности — слишком часто непреодолимо привлекает людей к наркотикам. И, может быть, самое страшное, что существуют в обществе люди, желающие такой отрешенности, стремящиеся уйти в небытие при жизни...»

Миклухо-Маклай деловито провел опыт с опиумным опьянением. Он верил в себя. Он не мог испытывать удовольствия от потери своего «я». Устремленность в неведомое, жажда познания, счастье преодоления трудностей, стремление быть полезным людям делали его жизнь напряженной, увлекательной, радостной.

Странный характер у этого путешественника, любящего одиночество. Он меньше всего заботится о себе, и больше всего — о других. Не успев обработать материалы прежних путешествий, испытывая недостаток средств, он все-таки собирается вернуться на берег Маклая. Его беспокоит стремление капиталистических держав захватывать все новые и новые территории. Папуасам угрожает закабаление.

«Последнее время,— пишет он Мещерскому,— когда вторжение европейской колонизации со всеми ее опасностями для туземцев грозит моим черным друзьям, я думаю, наступило время исполнения моего слова, которое сдержать я должен и хочу, несмотря на то что решение это отрывает меня на время от чисто научных занятий и что я вполне сознаю всю серьезность и трудность предприятия, которое предпринимаю один и без ничьей помощи».

Переслав в Зоологический музей Академии наук свои коллекции животных, а в Географическое общество отчеты о проделанной работе, он отправился на английской купеческой

шхуне «Морская птица» в плавание. Шхуна шла на острова Каролинского архипелага (острова Адмиралтейства). Находясь в плавании, посещая острова южных морей, Миклухо-Маклай имел возможность проводить антропологические и этнографические изыскания. Он знакомился с нравами и обычаями «диких племен». Описал внушительные каменные гробницы (о. Вуап или Яп), подобные древним гробницам на о. Таити, и не менее внушительные каменные монеты — «фе», наиболее ценные из которых весят несколько тонн. На архипелаге Пелау, в опровержение взглядов знаменитого этнографа Дж. Леббока, удалось обнаружить достаточно сложные формы религии. Оказалось, здесь распространена вера в духов умерших; в призраков — «делеп», способных хозяйничать в доме, тревожить сон человека, а то и душить, пугать, мучить. Общаются с миром духов особые люди — «калит», исполняющие роль шаманов и предсказателей. Влияние их велико. Калит может быть мужчиной или женщиной, которые нередко сами распространяют слухи о своем могуществе.

Много интересных и ценных научных наблюдений удалось сделать Миклухо-Маклаю во время недолгих стоянок «Морской птицы» на островах. Постоянно общаясь с представителями различных племен и культур, он вспоминал высказывание Дарвина о том, что невозможно передать различия между диким и цивилизованным человеком. Это совершенно верно, по мнению русского ученого, в том случае, если полагаться главным образом на книжные сведения и решать все вопросы за письменным столом. Миклухо-Маклай не развил эту мысль. Нетрудно ее продолжить: для того, чтобы понять представителей чуждых культур, надо не только уметь собирать соответствующие сведения, но и непременно стараться вжиться в их духовный мир, наблюдать их в естественной обстановке — непредвзято и уважительно.

На этом пути познания бытия человека возникает парадоксальная ситуация: невозможно плодотворно заниматься наукой, ограничиваясь только научными проблемами. Вглядываясь и вживаясь в окружающее, вольно или невольно подмечаешь проявления несправедливости, жестокости, бесчестности и тупости «дикарей высшей культуры». Поэтому Миклухо-Маклай не ограничивается бесстрастными и тематически узкими научными заметками. Он видит, как обманывают туземцев белые торгаши, выманивая за безделушки жемчужные раковины, панцири черепах и другие ценности; увозя в кабалу для ловли трепанга сильных юношей, из которых очень немногие возвращаются на родину; запугивая островитян оружием, а на их справедливые возмущения или ответные жестокости организуя карательные экспедиции, которые уничтожают целые деревни.

Миклухо-Маклай невольно становится общественным дея-

телем. Но если обычно общественные трибуны сплачивают группы последователей, становятся вождями, то он продолжает оставаться одиночкой, не желая ничего другого, кроме защиты права угнетенных.

Его понимают немногие. Даже Географическое общество недоверчиво относится к его предложениям облегчить участь папуасов. Полагают, что он занялся не своим делом (эта недоверчивость имела и практические результаты: отказ финансировать его экспедицию). На это он с возмущением отвечает: необходимо думать не только о текущих политических, но и общечеловеческих интересах; научные исследования должны сопровождаться гуманными мероприятиями. «И я, — заявляет ученый,— если даже чем-либо помогу моим proteges (подопечным), никогда не спущусь на ступень единственно их судьи, начальника или благодетеля».

К чести русского общества, искренность и благородство целей Миклухо-Маклая не были поставлены под сомнение (во всяком случае, в этот период). Петербугская газета «Голос» в ноябре 1876 г. писала: «...г. Маклай... имел случай наблюдать пагубное влияние европейской цивилизации, когда она приходит в соприкосновение с первобытными порядками диких островитян. Ему не один раз приходилось возмущаться до глубины души при виде образа действий английских и голландских администраторов, вторгшихся в патриархальный быт туземцев.

...Для нас может быть утешительной мысль, что представителем бескорыстных истинно человеческих стремлений в этих далеких странах является русский гражданин».

Учтем: обследование островов, разбросанных в просторах Тихого океана, было занятием небезопасным. Пиратам XIX в., обуянным жаждой наживы, туземцы представлялись полуобезьянами, понимающими только язык плетки и револьвера. Перенимая эти звериные нравы, туземцы, в свою очередь, становились коварными, жестокими. Приходилось учитывать самый худший вариант: насильственную смерть и последующее отмщение островитянам со стороны колонизаторов. Неотвратимость отмщения Миклухо-Маклай ясно понимал, а потому включил в контракт с капитаном шхуны (во время своего вторичного путешествия по островам Меланезии) специальный пункт: «Капитан обязуется не производить никаких репрессий в случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов». В контракте был еще один, сугубо научный параграф: «В случае смерти г. Миклухо-Маклая обязуется доставить его заспиртованную голову в Петербург».

И вот — возвращение на берег Маклая. Восторженная встреча. Собрались даже дети и женщины близлежащих деревень. Общая радость, но не удивление. Все знали, что Маклай вернется. «Слово Маклая одно!»

На этот раз все было лучше прежнего: и дом, и слуги, и состояние здоровья, и отношения с местными жителями. С первого же дня добровольные помощники-папуасы участвовали в постройке нового дома, очистке площадки, переноске грузов. Появилась возможность совершать дальние экскурсии.

Уже в тот момент, когда шхуна подходила к заливу Астролябия, Миклухо-Маклай занялся научными наблюдениями. Обратил внимание на изменившийся облик прибрежного горного хребта. Его острый глаз художника отметил полное исчезновение растительности на крутых участках склонов, появившиеся новые расселины, свежие светлые полосы. Все указывало на какую-то крупную недавнюю катастрофу.

Рис. 16. Дом Миклухо-Маклая на мысе Айва/берег Папуа-Ковиай/.

Местные жители подтвердили: после отъезда Маклая ночью земля сильно и страшно вздрогнула несколько раз. Многие хижины рухнули. Упало много кокосовых пальм, отчего погибло несколько человек. Утром с моря накатилась огромная волна, ломая деревья на берегу. Оказалось, что некоторые жители помнят о другом, еще более разрушительном землетрясении, происшедшем около 20 лет назад. Кроме сведений о землетрясениях в данном районе, Миклухо-Маклай первым описал (с зарисовками, как обычно) вулканическое извержение на острове близ Новой Гвинеи. Завершая свои геологические исследования, он указал на признаки значительного поднятия берега Маклая.

Пользуясь полным доверием со стороны папуасов, ученый смог сделать много новых антропологических и этнографических наблюдений. Теперь он беспрепятственно допускается ко многим туземным церемониям. В его дневниках сохранились подробные описания папуасских ритуалов, обычаев. На правах «своего», неплохо зная местные наречия, он, как и окружающие его друзья, чувствует себя непринужденно.

Вот идет свадьба. После вручения подарков старики поочередно подходят к невесте и произносят назидательные речи, учат ее правилам поведения. А чтобы их слова лучше запомнились, то и дело дергают невесту за прядь волос. Один из

стариков по забывчивости вдруг спросил: а как же зовут жениха? Вопрос был встречен общим весельем.

Или другой случай. На празднике танцоры устраивают пантомимы. Показывают, как отец и мать пытаются убаюкать голосистого ребенка. Один танцор, нацепив юбочку из веток, изображает мать. Ребенком служит небольшой барабан «окам», положенный в мешок. Другое представление — настоящая пародия на колдовство. Один танцор, изображая больного, сидит на земле. Другой приплясывает вокруг, обмахивая и ударяя первого длинной ветвью. Сделав несколько кругов, он отходит в сторону, шепчет что-то над веткой и вновь продолжает «курс лечения». Наконец, делая вид, что он вконец устал, утирая пот, «медик» отнес ветку в сторону, бросил на землю и растоптал.

...Миклухо-Маклай сидел около дома, любуясь вечерним закатом. Подошел Саул, сел рядом. Долго молчал. Наконец, спросил:

— Маклай, сколько у тебя жен, внуков, правнуков?

— Где?

— Не знаю... В России, на Луне.

— У Маклая нет жены и детей.

— Маклай не хочет говорить... А ты помнишь, когда это дерево было маленькое? — Он указал на громадное дерево, возрастом несколько столетий.— Ты его посадил?

Папуасы теперь не считали Маклая таинственным духом, но предполагали, что он — человек необыкновенный. Эту свою репутацию он очень скоро подтвердил.

Друзья из Бонгу сказали ему, что два человека из Горимы собираются убить Маклая, чтобы завладеть его богатствами. Узнав имена этих людей, Маклай один отправляется в Гориму. До деревни добрался вечером, попросил еды и, сидя у костра, распорядился позвать к нему двух злоумышленников. Маклай произнес небольшую речь, рассказав о причине своего визита. Закончил неожиданно:

— Я устал и пойду спать. Я никому не сделал зла. Если кто-то хочет меня убить, пусть убьет, пока я сплю. Утром я уйду из Горимы.

Речь его выслушали в полнейшем молчании. Злоумышленники опускали головы или отводили глаза, не выдерживая взгляда Маклая. Закончив говорить, Маклай забрался на настил, завернулся в одеяло и вскоре заснул под негромкий говор встревоженных жителей Горимы.

Утром злоумышленники пришли к Маклаю с подарком — свиньей и вызвались проводить его до самого дома. Этот эпизод вызвал много слухов в окрестных деревнях. Одни считали, что Маклай не боится смерти, другие были уверены, что Маклай не может умереть.

Однажды в деревне Бонгу Маклай, зайдя в большую хи-

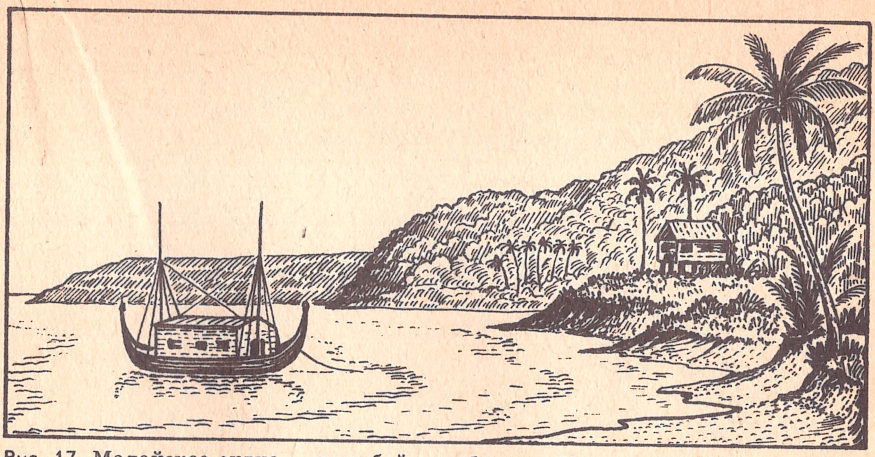


Рис. 17. Малайское судно — урумбай — у берегов Папуа-Ковиай.

жину, застал там много мужчин. Они оживленно переговаривались и сразу замолчали при появлении гостя. Здесь находились жители из нескольких деревень. Маклай сел. Все продолжали молчать. Наконец Саул, с которым Маклай нередко вел философские беседы, встал и осторожно спросил:

— Маклай, ты можешь умереть? Ты можешь быть мертвым, как все мы?

Как ответить? Солгать — невозможно. Сказать правду — опасно.

Маклай встал и прошелся по хижине. Косые лучи солнца освещали предметы, висящие под крышей: черепа рыб, челюсти свиней, луки и стрелы, копья... Маклай нашел ответ. Снял тяжелое и острое копье, подошел к Саулу, вложил копье в его руку, отступил на несколько шагов, снял шляпу, чтобы лучше было видно его лицо, сказал:

— Испытай, может ли Маклай умереть.

Саул медлил поднять копье. Несколько человек подбежали к Маклаю, как бы желая закрыть его от копья. Саул воскликнул:

— Нет, нет! — и отбросил копье.

После этого случая никто не спрашивал Маклая, может ли он умереть.

У папуасов о причинах смерти существовали самые фантастические представления (нередкие у племен низкой культуры). Смерть старого человека могла не вызвать особых подозрений. Но неожиданная смерть сильного мужчины или мальчика объяснялась вмешательством чужой недоброй воли. За это злодейство следовало отомстить тем, кто предполагался причастным к нему. Так возникали войны между деревнями, кровавая месть между семьями.

Маклай, обычно не вмешивающийся в дела туземцев, делал все возможное, чтобы предотвращать войны между ними. Когда в Горенду умерли один за другим два юноши, жители всерьез стали готовиться к войне. Даже уговоры Маклая не могли их остановить. И тогда он вновь проявил мудрость и находчивость. Сказал:

— Если вы будете воевать, случится беда.

Все начали допытываться, о какой беде идет речь. Но Маклай не стал уточнять. Неведомая беда внушала людям страх. Они решили, что Маклай вызовет сильное землетрясение, и не начали войну. Однако жить в Горенду далее не захотели, боясь новых несчастий на этом проклятом месте, и переселились в другие деревни.

Маклай остается для них таинственным человеком, о могуществе которого можно только догадываться. Он не дух, не божественный предок. Его не надо бояться. Ему надо доверять.

А для Маклая его друзья папуасы становились все более близкими и понятными. Напрасно некоторые ученые считают, будто дикари непосредственны, как дети, а чувства свои выражают бурно и бесконтрольно. Тут можно подметить такие оценки, подобия которых происходят в цивилизованных странах. Например, обычай похищать невесту. Сторонний наблюдатель придет в замешательство, услышав крики о похищении девушки, увидя свирепые лица мужчин, приготовления к войне и торжественное шествие на бой вооруженных родственников похищенной. А кончается комедия возвращением в родную деревню с подарками. Обычное похищение по уговору сторон!

Даже такое горестное событие, как смерть близкого человека, сопровождается не только скорбью, но и некоторыми принятыми в таких случаях действиями, выполняемыми по большей части формально. Когда у Моте умерла жена, он сильно горевал. Плакальщицы завели заунывные песни, причитания, а он под этот аккомпанемент принялся танцевать нечто подобное танцу печали. Чуть позже он нацепил головной убор из ярких перьев, взял топор и стал изображать высшую степень отчаяния, делая вид, будто готов подрубить устои собственной хижины. Войдя в роль, принялся рубить ствол кокосовой пальмы, посаженной возле дома. Тогда от хора плакальщиц отделилась сестра Моте, подошла к нему и спокойно напомнила: горе, мол, горем, а губить плодовое дерево глупо. Моте от дерева отошел и взялся крушить старенький забор.

Подобные бытовые зарисовки подчеркивали общечеловеческие мотивы в поведении папуасов. Но Миклухо-Маклай не увлекался подобными сопоставлениями, не подчеркивал сходство выражения чувств у представителей разных рас. Он вел объективные исследования. По его данным, Дарвин преувеличивал черты сходства. Различий можно заметить немало, и они порой выражены яснее, чем подобия.

...Прошел год второго пребывания на берегу Маклая. По уговору капитан «Морской птицы» должен был забрать путешественника. Шхуна не появилась. Миклухо-Маклай сетовал на свою неосмотрительность: он не дал капитану судна никакого аванса, а эти пиратствующие торговцы признают только денежное поощрение. Приходилось ожидать случайной оказии. Прошло еще полгода, прежде чем ему со слугами удалось перебраться на Индостан, в Сингапур.

Здесь его ждут... долги. Личных средств у него нет, мать не может помочь, Географическое общество отказывается поддержать его экспедиции, учитывая сложность политической ситуации, когда несколько западноевропейских держав стараются распространить свое влияние на эти территории.

Отчасти в сложившихся трудностях виноват сам Миклухо-Маклай: он с излишней доверчивостью и прямотой изложил в письме в Россию причины второго посещения берега Маклая «Я держу слово и возвращаюсь в Новую Гвинею не единственно как естествоиспытатель, а также как и «покровитель» моих черных друзей берега Маклая... решился защищать, насколько могу, их правое дело: их независимость в случае европейского вторжения (которого неминуемое следствие — гибель туземцев...»). Он даже определенно высказал свои планы социальной организации на берегу Маклая независимого Папуасского союза, противодействующего европейскому вторжению.

Географическое общество не имело права расходовать предоставляемые ему средства на политические мероприятия. Заявление Миклухо-Маклая было расценено как подтверждение того, что он вместо научных занятий перешел к организационно-политическим. Прямота высказываний ученого, по словам секретаря Географического общества Ф. Р. Остен-Сакена, «так хорошо характеризует все его существо, пламенную душу и вместе с тем крайнюю непрактичность». Была и еще одна причина забвения русским обществом имени Н. Н. Миклухо-Маклая. О его исследованиях в 1877—1878 гг. ничего не сообщалось: вспыхнувшая русско-турецкая война отвлекала общественное мнение от «посторонних» тем.

Людская молва, как волна, способна вознести высоко, прославить громко, а затем низвергнуть недавно еще знаменитого человека в полное забвение. Так произошло с Миклухо-Маклаем. Вдали от родины, больной, без средств к существованию, в долгах, он был обречен, казалось, на нищету, безвестность.

Глава **6.**

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКЛАЯ

Осенью 1879 г. «Голос» опубликовал взволнованное письмо итальянского ботаника и путешественника О. Беккари. В письме рассказывалось о встрече с Миклухо-Маклаем, находящимся в весьма неудовлетворительном физическом и нравственном состоянии. По словам Беккари, коллекции, рисунки, записи, материалы долгих исследований русского ученого, запакованные в ящики, находятся в руках нескольких банкиров и купцов,— как залог неоплаченных долгов. «Необходимо сделать все, чтоб сохранить науке такого человека и такие труды, а родине его — честь считать его в числе своих сынов».

Редакция «Голоса» обратилась к читателям с призывом незамедлительно принять меры для спасения научных трудов и жизни Миклухо-Маклая. В результате подписки было собрано 4500 рублей. Многие российские газеты вновь стали писать о личности и достижениях Миклухо-Маклая. Географическое общество посвятило ему обстоятельную статью. Однако в ней намекалось на то, что ученый публикует слишком мало научных трудов.

Вряд ли подобные упреки были справедливы. Мы знаем, в каких тяжелейших условиях проходили путешествия Миклухо-Маклая, как часто он болел и как мало имел времени и сил на обработку своих материалов. Часть научных статей он отправлял в иностранные журналы, так и не успевая переводить их на русский язык. И не случайно в одной из статей «Голоса» было сказано: «К сожалению, никто из наших русских деятелей не нашел нужным обработать для русской публики труды Маклая, появлявшиеся в значительном количестве на иностранных языках».

Действительно, долгое отсутствие Миклухо-Маклая, его экспедиции в отдаленном от России краю, не связанные с конкретными политическими интересами страны, занятия обще-

человеческими проблемами, не имеющими непосредственного практического значения,— все это не способствовало его популярности на родине.

В этом отношении показательна судьба другого замечательного русского путешественника — Н. М. Пржевальского. В те годы, когда Миклухо-Маклай, бедствовал, не имея средств к существованию и признания официальных учреждений, Пржевальский в 1876—1877 гг. совершил вторую Центральноазиатскую экспедицию, уже получив за первое свое Монгольское путешествие (1870—1873 гг.) высшую награду Географического общества — Большую Константиновскую медаль, золотую медаль Парижского географического общества, орден от французского министерства просвещения, Почетную грамоту от Международного географического конгресса. После второго путешествия его избрали почетным членом Академии наук и наградили медалями Лондонского и Берлинского географических обществ... Почет и награды стали как бы завершающим этапом каждой крупной его экспедиции. Нет сомнения, он вполне заслуживал чествований. Но возникает вопрос: а Миклухо-Маклай за свои самоотверженные и плодотворные исследования, совершаемые в тяжелейших условиях, разве не был достоин поддержки, поощрений, наград?

Увы, оценки современниками тех или иных достижений нередко очень несправедливы. Почему? Сказывается так называемое общественное мнение и мнения отдельных влиятельных лиц и организаций. В случае с Миклухо-Маклаем большую роль сыграла пустяковая, в общем-то, формальность: в уставе Географического общества было оговорено, что оно обязано поощрять только труды, направленные на изучение отечества и сопредельных стран (как будто отдаленные страны имеют отдаленное отношение к предмету географии!). Повлияла вдобавок и текущая политическая ситуация, обострение отношений с колониальными державами и т. д.

Приходится упоминать обо всем этом, чтобы показать, как бывает зависима научная деятельность и ее оценка от причин, совершенно как будто не относящихся к науке. А ведь до сих пор во многих учебниках и даже в теоретических работах на это обстоятельство не обращается внимания. Словно наука развивается сама по себе, по своим законам, связанным с экспериментами, наблюдениями, обобщениями, гипотезами и теориями. А ведь наука, вместе с тем — часть общечеловеческой культуры, общественное явление, особая форма организации специалистов...

Итак, обстоятельства не благоприятствовали Миклухо-Маклаю. Впору было отчаяться, впасть в уныние, разочароваться в своей работе. Или другое: оставить начатые исследования, отказаться от изучения территорий, не примыкающих к обширным границам великой Российской империи.

У Миклухо-Маклая нет никаких сомнений в правильности избранного пути. А в таком случае отступать, покоряться обстоятельствам, приспосабливаться он не считает возможным.

В одном из писем сестре Ольге он высказывается: «Думаю, что и в тебе есть кое-что, что есть у меня: решимость и воля достичь, что назначил себе; уныние и малодушие ведут только к самой глупой жизни...» Письмо своему другу Мещерскому он начинает с индийского изречения:

«Кто хорошо знает, что он должен делать, тот приручит судьбу».

Миклухо-Маклай приручает судьбу. Несмотря на все невзгоды, его нельзя назвать «мучеником науки». Он — подвижник, энтузиаст научного познания. В каждом виде деятельности можно найти при желании источник безбедного и благополучного существования. Наука — не исключение. Но Миклухо-Маклай сознательно отстраняет любые выгоды, связанные с научными исследованиями. Даже в тех случаях, когда приходится просить материальной помощи, он всегда интересуется, кто и из каких побуждений ему помогает; неохотно принимает «пожертвования», а берет в долг, с обязательством последующей выплаты. «Сознание, что единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества, позволяет мне прямо обращаться за помощью к тем, которые, я думаю, разделяют мои убеждения».

Такие люди в России, конечно, нашлись. В апреле 1878 г. он получил первую сумму —3577 долларов и вместе с выражением благодарности спрашивает Ф. Р. Остен-Сакена: «Мне, однако же, весьма интересно знать, откуда эти деньги». Избавившись от части своих долгов, он готов продолжить научные исследования. Однако его одолевают болезни. Врачи советуют ему уехать, хотя бы на время, из тропиков. Он отправился в Австралию. Трехнедельная поездка пошла ему впрок (вступая на корабль, он весил около 45 кг, а сходя в Сиднее —58 кг). Русское посольство выделило ему комнату в Австралийском клубе. Однако проводить там анатомические исследования он не мог, а потому с благодарностью принял предложение энтомолога, обладателя крупной зоологической коллекции, члена парламента Вильяма Маклея поселиться в его доме.

«Я с наслаждением воспользовался возможностью работать,— пишет Миклухо-Маклай.— Чувство, которое я испытывал, было весьма похоже на чувство голодного, наконец находящего случай попробовать ряд любимых блюд».

На этот раз его «любимыми блюдами» стали акулы, на которых он продолжил сравнительно-анатомические исследования головного мозга. И сравнительные характеристики головного мозга разных видов животных по-прежнему его интересуют. Он сравнил, например, характер извилин мозга дикой собаки динго и новогвинейской собаки. У динго извилин ока-

залось значительно больше. (Миклухо-Маклай объяснил это активным образом жизни животных на свободе и пассивным, не требующим умственного напряжения — в неволе.) Он начал собирать материалы по сравнительной анатомии головного мозга человеческих рас.

Дел у него много. Это его не тяготит, хотя «день слишком короток для работы, а ночь недостаточно длинна для отдыха». И вновь он не может заниматься «чистой наукой». Его продолжает волновать судьба жителей берега Маклая. Появились слухи, что англичане собираются установить свое господство над южной половиной Новой Гвинеи. Он пишет открытое письмо влиятельному английскому деятелю Артуру Гордону, призывая не вмешиваться в судьбы местного неселения Новой Гвинеи, уважать права человека и пресекать попытки грабить, спаивать, порабощать туземное население.

Он уподобляется благородному идальго Дон Кихоту. Стремится защитить слабых и бесправных от непреодолимого зла. Это попытка отчаяния: «Знаю, что мой протест (или, вернее, напоминание о существовании прав слабых) остается пока гласом вопиющего в пустыне, но, тем не менее, надеюсь, что он встретит сочувствие между теми, для которых «справедливость» и «права человека» не единственно пустые слова».

Иная судьба ожидала его предложение, связанное с созданием зоологической станции в Сиднее. Об этом он высказался вскоре после прибытия в Австралию. Его призыв нашел быстрый отклик. О результатах этой инициативы русского ученого было сообщено в газете «Голос» (март 1880 г.) со слов русского генерального консула в Сиднее Е. М. Пауля: «Вы, конечно, с радостью узнаете, что великие заслуги г. Миклухо-Маклая по достоинству оцениваются в Австралии и что, благодаря его рвению и неистощимой энергии, ему удалось основать в Сиднее зоологическую станцию, единственную... в южном полушарии». В письме Е. М. Пауля сообщалось, что им получены из России 4500 рублей для передачи путешественнику.

А Миклухо-Маклай опять находится в пути. Он отправляется на трехмачтовой промысловой шхуне «Сади Ф. Каллер» к архипелагам Меланезии, чтобы продолжить их изучение.

Наиболее впечатляющими из всего плавания были посещения одного из островов Адмиралтейства — Андра. На нем побывал Маклай еще в предыдущем своем плавании. Один из местных жителей из пироги узнал его, окликнул по имени. Осмелевшие туземцы забрались на палубу, окружили Маклая, гладя по спине и плечам, повторяя его имя с прибавлением «уян» (хороший), «кавас» (друг).

Благодаря посредничеству Маклая, развернулся шумный торг. А ученый принялся изучать быт и нравы островитян, их язык. Капитан шхуны отговаривал его оставаться на берегу. Но ученый пренебрег этими опасениями.

Он сделал немало интересных рисунков и записей. Довелось наблюдать бытовые сценки, обряд похорон, а также случай людоедства. Выяснилось, что в этих краях людоедство имеет некоторое распространение. Это обстоятельство не испортило хороших отношений ученого с местными жителями. Более опасным оказалось другое: научившись у белых жадности и несправедливости, туземцы вознамерились совершить нападение на корабль и разграбить находящиеся там богатства. Однако и в этом случае предусмотрительность и находчивость Маклая позволили избежать столкновения.

О том, что такие столкновения стали обычным делом, Маклай узнал из рассказов матросов и капитана. Он сам знал двух торговцев, которые остались для проведения доходных торговых операций с дикарями. Один из них (итальянец Пальди) был убит, а другого (ирландца О'Хару) ограбили и бросили на произвол судьбы.

В свое время Миклухо-Маклай в разговоре с Пальди предрекал ему верную гибель и отговаривал оставаться на острове. Общаясь с туземцами, Пальди рассчитывал более всего на револьвер и скорострельную винтовку. Оружие не спасло его. Судьба О'Хары оказалась не столь печальной, потому что его пожалели два местных жителя — Пакау и Мана-Салаяну. Последний, человек преклонного возраста, даже приютил и кормил О'Хару.

Здесь же на острове находился один из матросов, сбежавший с «Морской птицы» в прошлое плавание Миклухо-Маклая. Чтобы узнать судьбу этого человека, Маклай добрался до отдаленной деревни, встретился с ним и выкупил его у туземцев. Они вместе отыскали тех, кто пожалел О'Хару, позаботились о нем. Маклай принес им подарки. Старик Мана-Салаяну очень расчувствовался, даже заплакал.

Во время этого плавания Миклухо-Маклай вел преимущественно этнографические и антропологические исследования. И вновь он не стремится давать пояснения, а предпочитает добывать факты. Скажем, сообщая о случаях людоедства, не делает никаких замечаний с целью сенсационной подачи материала. Даже, к сожалению, воздерживается от комментариев, столкнувшись с любопытным обычаем: на о. Сорри он зарисовал деревянные фигуры, изображающие мужчину и женщину из враждебного племени, которые были убиты и съедены здесь. С чем связан этот обычай? Какие верования островитян отображают фигуры? Маклай воздерживался от попыток ответить на эти вопросы. Он по-прежнему осторожен в выводах и обобщениях. Оговаривается: с тех пор как европейцы стали посещать острова южных морей, многое в жизни островитян изменилось, усилился обмен товарами, меняются обычаи. Восстанавливать «естественный» образ жизни и историю местных племен становится очень и очень непросто.

Первоначально ученый предполагал вновь посетить берег Маклая. Однако присмотревшись к нравам моряков «Сади Ф. Каллер», отказался от этого намерения. В письме Ольге пояснил этот отказ, припомнив слова английского писателя XVII в., называвшего всякое судно плавучим ящиком с дурным воздухом, дурной водой и дурным обществом. Последнее обстоятельство в данном случае имело решающее значение: «От зловония в каютах можно, однако же, избавиться, оставаясь большинство времени на палубе, воду можно фильтровать и варить, но избавиться от болтающих чепуху, пьянствующих, свистящих, поющих (wulgo[1] воющих) и т. п. двуногих на всяком судне нелегко и часто невозможно. Я могу и научился выносить многое, но общество т. наз. «людей» мне часто бывает противно, почти нестерпимо...»

Странно слышать такие высказывания от человека, который так много делал в защиту людей. Но учтем: ничего подобного он никогда не говорил — даже намеком! — о представителях примитивных культур. Его невыносимо раздражали лицемерные, самодовольные и тупые дикари высшей культуры, озабоченные добыванием денег и грязных удовольствий. Такого сорта представителей «человеческого зверинца» он называл «подобиями людей» и стремился избавить своих папуасских друзей от знакомства с такими субъектами.

На островах он занимался главным образом обмерами голов и зарисовками узоров татуировки. Он логично рассудил, что в результате влияния европейцев и в особенности христианских миссионеров жизнь и верования островитян существенно меняются. Одним из неизменных, пока что, обычаев остается «рисование на теле» — татуировка. Хотя и оно рано или поздно изменится или исчезнет от воздействий извне. Кроме множества зарисовок, он достает орудия татуировки и подвергает себя этой процедуре. Опыты на себе стали для него привычными.

В начале 1881 г., вернувшись в Сидней, Миклухо-Маклай поселяется на созданной по его инициативе морской зоологической станции. Пользуется содействием и симпатией со стороны влиятельного деятеля П. Робертсона. Знакомится с его дочерью Маргаритой, которой суждено будет стать его женой.

Его мучает сознание, что он не в состоянии отвести от друзей с берега Маклая угрозу закабаления со стороны жаждущих наживы и власти. Обдумывает способы создать свободный Папуасский союз на основе традиционной местной культуры. Себе он отводил роль советника и представителя в переговорах с чужестранцами. Надеялся значительно улучшить способы ведения хозяйства и превратить берег Маклая в один из центров тропического земледелия. Однако подобные проекты реализовать было невозможно. Его научные работы и предложения встреча-

[1] Проще говоря.

лись в Австралии сочувственно, но планы устройства Папуасского союза воспринимались как наивная социальная утопия.

Пользуясь глубоким уважением австралийских ученых, Миклухо-Маклай смог проводить самые разнообразные исследования. Помимо антропологии и анатомии головного мозга австралийских аборигенов, он проводит много зоологических наблюдений. Им, например, отмечены особенности распределения шерсти на теле кенгуру. Эта деталь имела определенное теоретическое значение: по мнению Дарвина и Уоллеса, у большей части млекопитающих густая шерсть на спине и ее направление приспособлены для стекания воды. На примере кенгуру это правило как будто не оправдывалось. По мнению Миклухо-Маклая, очень важно выяснить поведение кенгуру во время дождя, чтобы внести ясность в проблему.

Интересные геофизические наблюдения произвел Миклухо-Маклай, измеряя температуру земли на разных глубинах в шахте (841 м), а также определяя температуру воды у восточного побережья Австралии. Он занимался палеонтологией, обнаружив и раскопав кости вымершего гигантского кенгуру и других древних животных, среди которых наиболее внушительным было гигантское сумчатое — дипротодон австралийский — размером с носорога, имеющее огромные бивнеподобные резцы.

Научная деятельность Миклухо-Маклая в Австралии проходила очень успешно. Однако его тяготило большое количество собранных в прежних путешествиях материалов, оставшихся неопубликованными. Он предложил Географическому обществу подготовить к печати эти документы. Следовало для этой цели приехать в Россию. Обстоятельства благоприятствовали: в феврале 1882 г. Австралию посетила русская военная эскадра. На клипере «Вестник» ученый добирается до Сингапура. Отсюда на крейсере «Азия» через Красное море достигает Суэцкого канала. Однако крейсер надолго застревает в Александрии из-за начавшихся военных действий между Турцией и Великобританией.

Сообщая русской общественности о предстоящем прибытии знаменитого путешественника, газета «Новое время» поместила большую статью, посвященную ему. В ней сообщалось, что ученый отказался от предложений опубликовать свои труды в Англии, желая издать их на родине. Напоминалось, что у него остаются немалые долги в Батавии, по которым идут большие проценты, так что долг постоянно растет (из всех кредиторов только китаец Ван Липуа отказался брать проценты, узнав, что заем был сделан для научных целей; европейские бизнесмены на такой благородный поступок оказались неспособными).

В Петербург Миклухо-Маклаю удалось добраться только в

сентябре 1882 г. Его встречают с огромным энтузиазмом. Зал заседаний Географического общества публика наполнила до отказа за час до выступления Миклухо-Маклая. Были забиты даже проходы и смежные с залом помещения. Ровно в 8 часов вечера вице-председатель общества П. П. Семенов появился в президиуме вместе с Миклухо-Маклаем, «каждая черта лица которого,— по сообщению газеты,— говорила о силе характера, редкостном героизме и неустрашимости этого человека».

П. П. Семенов сказал: «Сегодня мы встречаем нашего энергичного, талантливого путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая». Далее он перечислил некоторые достижения ученого, вскользь посетовав на недостаточное количество его научных публикаций; пребывание Маклая на Новой Гвинее назвал «смелым подвигом».

Доклад Миклухо-Маклая слушали в полнейшей тишине. Говорил он несильным голосом, ровно, без выражения эмоций. Рассказал несколько эпизодов из своих путешествий и главным образом, о посещении Новой Гвинеи. Рассказал он и о том, что когда в его отсутствие берег Маклая посетили англичане, то папуасы не позволили им зайти в его хижину.

Выступления знаменитого путешественника пользовались большим успехом. Появились первые карикатуры (журнал «Стрекоза»), где весьма развязно и без особого остроумия высмеивались некоторые слова Миклухо-Маклая, его рассказы о честности папуасов и т. д. Это были признаки не только популярности его имени, но и недоброжелательного отношения некоторых людей к его деятельности. Были даже и явно лживые сообщения о якобы отказе Географического общества финансировать издание трудов ученого.

Отсутствие ораторского таланта, неумение подлаживаться ко вкусам публики, а также недостаточное знакомство ученых и тем более неспециалистов с его научными достижениями вызвали недоразумения, злословие, сплетни. Об этом с горечью и возмущением писал публицист и литературовед П. Н. Полевой. По его мнению, Географическое общество оказало путешественнику очень сдержанный прием: «Можно было, право, подумать, что Миклухо-Маклай вернулся из поездки по Рязанской губернии, где он на средства и по поручению Географического общества занимался исследованием кустарной промышленности».

Полевой пересказал некоторые замечания, отпускаемые в адрес Миклухо-Маклая: и между дикарями-то он но жил, а больше в Калькутте; и не ученый он, а шарлатан, недоучившийся студент; вздумал поиграть в Робинзона, а когда ему потребовалось, приехал сюда нам очки втирать...

«А между тем впечатление, которое Николай Николаевич... производил на своих чтениях и объяснительных беседах невольно располагало в его пользу всех слушателей. Прежде

всего заметим, что Миклухо-Маклай довольно плохо говорит по-русски, результат его 12-летних странствований и пребываний на чужбине, и не обладает способностью к гладким фразам и ярким эффектам. Говорит он тихо, вяло, ищет иногда подходящие выражения и за недостатком их вставляет иностранные слова... Главное достоинство и главный недостаток этих лекций заключались в их замечательной простоте и в том полнейшем равнодушии, с которым автор относился к своему собственному рассказу. Каждый слушавший его понимал, что он говорит только правду... Но под этим равнодушием, под этой правдивой красотой рассказа слышалось глубокое сознание собственного подвига, глубокое сознание того, что рано или поздно этот подвиг должен быть оценен по заслугам и по достоинству...»

Как ни злословили клеветники, злопыхатели и завзятые остряки, русское общество, в общем, сердечно, доброжелательно и с пониманием отозвалось на приезд и выступления Миклухо-Маклая. Показательно небольшое письмо (в числе прочих), полученное им от неизвестной корреспондентки: «Я знаю, что вы простите мою дерзость, потому что привыкли к простому, бесхитростному выражению симпатий со стороны ваших диких черных, а потому не примете это за очень уж огромную дерзость — право, я не могу удержаться, чтобы хоть чем-нибудь не выразить свое глубокое уважение к вам и удивление как к человеку; не то удивление, которое заставляет бегать смотреть новинку, а то, которое заставляет подумать — отчего так мало людей, похожих на человека. Еще раз примите мое глубокое уважение и симпатию как к русскому».

И в Москве его встречают как долгожданного гостя. Он сообщает своему брату Михаилу: «Вчера состоялось чтение в обществе любителей естествознания в зале Политехнического музея, что на Лубянке. Народу было около или более 700. Губернатор, митрополит, два архиерея и т. д., и т. д. присутствовали. Давка из дверей была страшная. Наконец, толпа без билетов ворвалась... Чтение сошло с моей стороны удовлетворительно... Мне присуждена большая золотая медаль общества любителей естествознания и т. д. В воскресенье я принял обед, который дают мне профессора и другой ученый люд московский. Я принял под условием: дать мне бифштекс, молоко и не заставлять говорить».

Его выступления воспринимались по-разному разными людьми. Скажем, по мнению известного антрополога и географа Д. Н. Анучина (преимущественно теоретика, а не путешественника), доклад Миклухо-Маклая был его полнейшим провалом как лектора. В то же время, по воспоминаниям некоторых современников, публика была настроена восторженно. Сам Николай Николаевич воспринимал происходящее спокойно, с полным сознанием правоты своего дела. Подобное отношение к людской молве было для него характерно всегда. В одном

из своих писем он признавался: «На берегу Маклая я забыл о разных хитросплетениях общественной лжи, к тому же я и прежде никогда не прибегал к ним...»

Свое привычное бытоустройство он описывает так: «Я предпочитаю самый простой стол — много зелени, мало говядины... много молока, никаких положительно напитков (даже пива), кроме кофе, чаю или какао. Ложусь по вечерам, с весьма редким исключением, около 9-ти часов вечера, встаю до 6-ти часов утра. Мое правило — ложиться в 9 часов вечера, избавляет меня от скуки принимать приглашения на обеды или вечера...»

У него была натуральная, а не показная скромность. Он не любил шумных сборищ, а стремился к уединению и размышлениям. И выглядят чрезвычайно несправедливыми слова Анучина о провале Миклухо-Маклая как лектора. Тут непонято главное: Николай Николаевич и не выступал в качестве лектора, и не стремился потрясать публику своим красноречием. Так и понимали его выступления почти все слушатели. Люди приходили на его доклады не для того, чтобы обогатиться научной мудростью и красивыми высказываниями (в те времена блестящих ораторов и без того было немало). Не слова привлекали публику, а человек. Хорошо это высказала безвестная его корреспондентка: тут проявлялось «не то удивление, которое заставляет бегать смотреть новинку, а то, которое заставляет подумать — отчего так мало людей, похожих на человека».

Русское общество, средние слои населения лучше, сердечнее понимали научный и человеческий подвиг Миклухо-Маклая, чем официальные политические и научные деятели... Так или иначе, возвращение Миклухо-Маклая в Россию было, судя по реакции общественности, триумфальным. А ведь он не имел ни чинов, ни почетных званий; его заслуги как ученого не были по достоинству оценены. Впрочем, конец 1882 г. был для Миклухо-Маклая счастливым. Географическое общество было избавлено от расходов на подготовку его трудов к печати: Александр III принял эти расходы на свой счет (2200 фунтов стерлингов). Таким образом были погашены прежние долги и предоставлены средства на двухлетнюю работу ученого (как он и просил).

Из Петербурга Николай Николаевич отправился в Берлин, где сделал научный доклад, затем переехал в Лондон и оттуда отплыл в Австралию. Однако случайная встреча в пути изменила его планы. На рейде в Батавии он увидел русский корвет «Скобелев». Командир корвета В. Н. Копытов согласился исполнить просьбу путешественника и, сделав изрядный «крюк», доставить его на берег Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай приобрел в одном из портов двух телок и бычка зебу, а также несколько коз и семена разных культурных растений. С этими подарками он в третий раз посетил берег Маклая — в марте 1883 г.

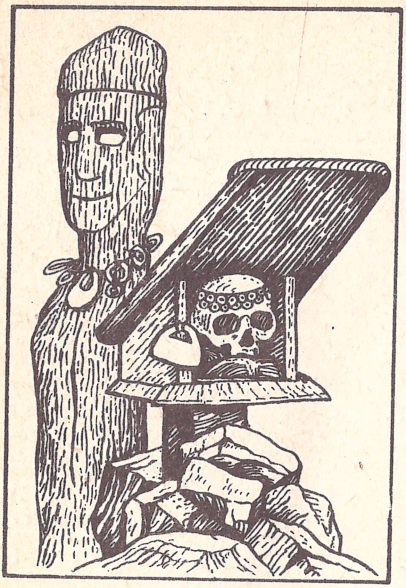


Рис. 18. Хранилище черепов и изображение предка /Соломоновы острова/.

За время его отсутствия произошли немалые перемены. Изменился отчасти облик деревень. Горенду оказалась покинутой. Многие старые друзья, и среди них Туй, умерли.

Путешественника встретили так, будто он отсутствовал несколько дней, а не шесть лет. «Мне показалось странным, — записал он, — отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов...» Однако, подумав, нашел это обстоятельство понятным: «ведь я сам ничем особенным не выражал своего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня. Были, однако, и такие среди них, которые, прислонялись к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия...»

По мнению этнографа Н. А. Бутинова, автора биографии Миклухо-Маклая, причины настороженного отношения папуасов к «тамо-русс» Маклаю, а также смерть многих мужчин объясняется тем, что в этих местах успел побывать британский комиссионер Ромильи. Торговцы «черным товаром» захватили крупные партии папуасов; в происходивших стычках убивались туземцы и сжигались деревни. Возможно, был убит и Туй.

Из Сиднея Миклухо-Маклай направил письма британским управителям колоний. Он, в частности, требовал пресечь политику насилия, людокрадства и невольничества. По его настоянию была отменена колонизаторская экспедиция американца Мак-Ивера на берег Маклая. Однако более серьезная опасность угрожала со стороны ненасытных и жестоких немецких колонизаторов.

«Германский флаг в Тихом океане,— писал Миклухо-Маклай,— прикрывает самые бессовестные несправедливости, как кражу и обман в отношении туземцев, невольничество и жестокости на плантациях, систематический грабеж туземных земель и т. п. Ни одно преступление белого человека против черных не было до сих пор наказано германским правительством... Германское правительство до сих пор имело обыкновение де-

лать своими официальными представителями, консулами — рабовладельцев и бессовестнейших эксплуататоров туземцев...»

Тем временем в России о характере его деятельности стали распространяться ложные слухи. Газета «Новое время» сообщила, что русский путешественник ударился в политику, выставляет себя «королем папуасов» и старается отдать Новую Гвинею под покровительство Англии. Правда, другая газета — «Новости» опровергла эти домыслы. Несколько позже газетная шумиха вокруг имени Миклухо-Маклая вспыхнула с новой силой.

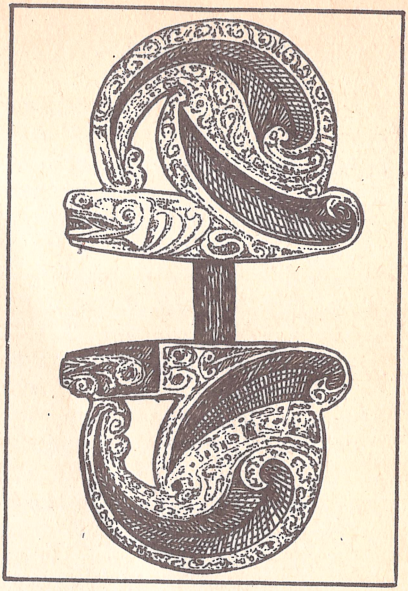


Рис. 19. Раскрашенный деревянный щит, употребляемый во время обрядовых плясок /Тробриановы острова, близ о. Новая Ирландия/.

Так уж складывалась его жизнь: немногие из своих намерений он мог осуществить без серьезного противодействия. Даже женитьба на Маргарите, дочери Джона Робертсона, оказалась очень непростым делом. На его предложение она ответила согласием, однако ее родственники были против брака. Маргарита Робертсон была протестантка, Николай Николаевич — православный. Как проводить церковный обряд? Чтобы преодолеть формальность, пришлось обратиться за разрешением жениться к императору Александру III. Разрешение было получено, и 27 февраля 1884 г. состоялась свадьба. Путешественник, предпочитающий одиночество, связал себя, как тогда говорили, семейными узами. Они были для него радостны: «Я понимаю теперь, что женщина может внести истинное счастье в жизнь человека, который никогда не верил, что оно существует на свете».

Спокойная семейная жизнь не могла отвлечь Маклая от жестокостей окружающего мира. Германия захватила северо-восточный берег Новой Гвинеи. Маклай немедленно шлет телеграмму протеста Бисмарку. Однако противодействовать железной поступи Германии он, конечно, не мог. У него возник новый план помощи папуасам. Чтобы реализовать его, требовалось поехать в Россию. Захватив этнографические и антропологические коллекции, он покидает Сидней в феврале 1886 г.

Опять наступила для него бурная пора борьбы, надежд и разочарований. Удостоившись аудиенции у Александра III,

он, обнадеженный царем, надеется основать русскую колонию на одном из южных островов Тихого океана. Снова газеты пишут о его путешествиях и замыслах. На имя Миклухо-Маклая начинают поступать письма с запросами об условиях переселения в Новую Гвинею. Желающих оказалось немало. Число их достигло сотен человек и продолжало расти. Никто не ожидал такой вспышки энтузиазма. Сам путешественник смущен и старается избежать излишней шумихи.

Однако сделать этого не удалось. В некоторых газетах появляются кляузные статьи. Издевательские заметки в адрес Миклухо-Маклая и карикатуры на него опубликовали «Стрекоза» и «Будильник». Юмор этих заметок очень убогий, Маклая называют тихоокеанским помещиком, туземным царьком. Газета «Новое время» назвала статью о Миклухо-Маклае «Ученое шарлатанство».

Были, конечно, и совершенно иные публикации. Например, в московской газете «Русский курьер» подчеркивалось, что Миклухо-Маклаю продолжают поступать письма от вышедших в отставку военных, учителей, чиновников и многих других граждан, готовых поддержать призыв ученого.

Как ни печально, недоброжелательно отнеслась к Миклухо-Маклаю Академия наук. В прошлый приезд его упрекали за отсутствие научных материалов. Теперь, когда он привез свои обширные антропологические и этнографические коллекции в дар Академии, она отказалась их принять! В сердцах ученый заявил даже, что Российская академия существует как будто только для немцев. В этом упреке была доля истины: не был избран академиком великий русский ученый Д. И. Менделеев.

Больной, измученный ученый вынужден прекратить общественную деятельность. Теперь для него главное — закончить подготовку к печати своих научных сочинений. На это потребуется не менее года. Он уезжает в Австралию, чтобы привезти оттуда жену с двумя маленькими сыновьями. По словам очевидцев, сорокалетний ученый выглядел стариком.

В июне 1887 г. он вернулся с семьей в Петербург. Жить приходилось скромно (главным образом, из-за недостатка в средствах). Его заботливая жена почти не покидала квартиру (двое детей и больной муж!).

Здоровье его угасает. В феврале 1888 г. его переводят на лечение в клинику. Он пытается работать и здесь, но силы уже на исходе. Успевает закончить путевой очерк «Островое Андра» и продиктовать автобиографию. Вечером 2 апреля 1888 г. он скончался на 42-м году жизни.

Отдав многие годы своей жизни работе в Южном полушарии, Миклухо-Маклай никогда не терял чувство родины и народа. Когда в 1885 г. австралийская пресса иронизировала по поводу малого признания заслуг Миклухо-Маклая в России (мол, нет пророка в своем отечестве), он ответил письмом

протеста. Австралийский журналист Ф. Гриноп оценил этот поступок так: «Очевидно, это верно, что природный русский при всех обстоятельствах сохраняет огромную любовь к своей родине».

Отзывы на смерть замечательного путешественника и человека были горестны и возвышенны. В «Петербургском листке» большая статья Е. Лондиной завершалась утверждением, что Миклухо-Маклай был положительно идеалом: возвышенный ум, поразительная сила воли, мужество и при этом золотое, чистое, детское сердце, необыкновенная задушевность и умение входить в самые мелкие нужды ближнего». По словам проф. В. И. Модестова, Николай Николаевич «прославил наше отечество в самых отдаленных уголках мира», а имя его «останется навсегда в летописях человечества, как имя одного из редких людей, появлявшихся на земле».

Глава 7. НАУКА О ТОМ, КАК ЖИТЬ ЛЮДЯМ ДРУГ С ДРУГОМ

Нередко утверждают, что великих людей признают посмертно. Это не совсем так. Многие были прославлены при жизни. Характерно другое: их творческое наследие десятилетиями, а то и столетиями оставалось актуальным, вызывало споры, переосмысливалось и переоткрывалось.

Судьба Миклухо-Маклая в этом отношении показательна. Он и при жизни вызывал острые споры и ссоры: одни его хулили, другие хвалили. В конце прошлого века его вроде бы забыли окончательно. И понятно: всякая новизна стареет, всякое путешествие становится архивным прошлым. Новые времена выдвигают новые проблемы, стирают память о прошлом. Да и не был Миклухо-Маклай мудрецом, изрекающим вечные истины. Более того, он избегал мудрствований, теоретических обобщений, хотя в молодые годы учился на философском факультете.

И что же? Философские занятия он оставил. Проводил достаточно узкие специальные исследования, даже не стремясь придать им законченный вид. Полностью пренебрегал академической карьерой, которая дала бы ему возможность безбедно существовать и более плодотворно заниматься наукой. Он отвергал обычный путь служения в науке (подобно служению по какому-либо ведомству) с защитой диссертаций, работой на кафедрах, изданием солидных монографий. Не мудрено, что со стороны добропорядочных ученых он выглядел этаким «вольным художником», не признающим авторитетов и организаций анархистом, нарушителем традиций, не желающим приспосабливаться к текущей политической ситуации и правилам «хорошего тона», принятым в научной среде. Короче, он представлялся и путешественником и ученым-одиночкой. Все свидетельствовало о том, что имя Миклухо-Маклая обречено на забвение.

А вышло совсем иначе. Трудно назвать русского ученого, которому было бы посвящено научно-популярных книг больше, чем Миклухо-Маклаю. Значительное число этих работ увидело свет за последние полвека.

Даже судя по названиям этих книг, достижения Миклухо-Маклая оценивались по достоинству: «Труды и подвиги Миклухо-Маклая», «Знаменитый русский путешественник», «Замечательный русский путешественник, друг диких» и т. д. Однако научные организации продолжали замалчивать достижения Миклухо-Маклая. Только при Советской власти были собраны и изданы почти все его научные труды с обширными и квалифицированными комментариями. Его творчеству посвятили свои работы ученые разных специальностей. Писатели рассказали о его жизни и детям, и взрослым.

Что же произошло? Почему возник такой острый и живой интерес к деятельности этого ученого прошлого века? Что привлекает к нему сейчас, на исходе века атомной энергии, освоения космоса и конструирования «разумных машин» — ЭВМ?

На мой взгляд, на судьбе творческого наследия Миклухо-Маклая сказались главнейшие особенности противоречивого XX в., современной технической цивилизации и острейших политических конфликтов между крупнейшими империями, между колонизаторами и угнетенными народами, между эксплуататорами и трудящимися.

XIX в. был, можно сказать, преимущественно гуманитарным. В это время творили величайшие писатели и поэты, бурно развивались науки о человеке и жизни. Расцвет технических и связанных с ними физических и химических наук начался чуть позже; наивысшие достижения физики последних двух-трех столетий приходятся на первую треть нашего века. В те годы, когда складывался характер и формировались научные интересы Миклухо-Маклая, в европейских странах проходили бурные философские и политические дискуссии, вспыхивали революционные выступления. Политическая деятельность не увлекла Миклухо-Маклая. Возможно, интерес к творчеству Канта способствовал решению Миклухо-Маклая заняться антропологией и этнографией. Человек для Канта был вершиной творения, разумным и свободным существом, изучающим самого себя для того, чтобы самоусовершенствоваться. Кстати, один из важнейших источников антропологических знаний, по Канту,— путешествия и наблюдения.

По мнению Канта, вершиной антропологии и философии является учение о поведении человека — о нравственности (этика). Каждый должен стремиться приносить окружающим наивысшие блага. Недопустимо использовать человека как средство для достижения своих целей: человек, зависящий от другого, уже не человек. Следует поступать так, как желал бы, чтобы поступали другие. Поступай так, чтобы твое поведение

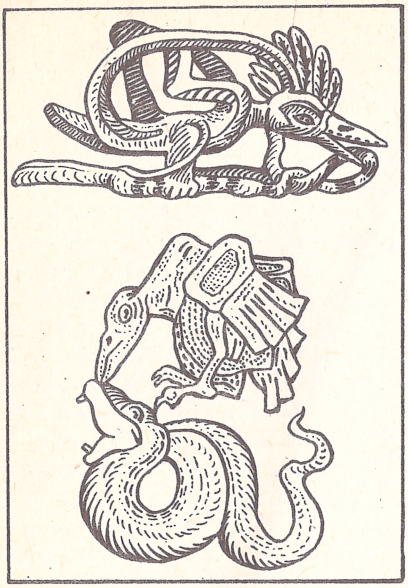


Рис. 20. Вверху — изображение птицы со змеей, вырезанное из дерева /Меланезия/. Внизу — борьба птицы со змеей, символизирующая единоборство солнца и воды — из древней мексиканской рукописи.

могло быть всеобщим законом. Наш долг: собственное совершенство и чужое счастье. Мораль есть учение не о том, как сделать себя счастливым, а о том, как сделать себя достойным счастья.

Как мы знаем, в своей жизни Миклухо-Маклай поступал в полном согласии с этими принципами. Он воспринял их не только как обобщенные рекомендации, но и как конкретные правила поведения в необычайных, экстремальных ситуациях. Самое замечательное, что папуасы, не имеющие понятия о философских и эстетических теориях, на практике подтвердили верность избранного Миклухо-Маклаем принципа поведения. Можно сказать, что Миклухо-Маклай невольно предпринял смелый эксперимент, проверяющий верность этических воззрений Канта. Эксперимент оказался успешным. Представители различных культур смогли существовать при взаимопомощи и взаимопонимании.

Идеи Шопенгауэра тоже имели немалое влияние на взгляды Миклухо-Маклая. Они сводились, в сущности, к двум положениям. С одной стороны, человек обречен в жизни на страдание, потому что имеет желания, но не в силах их полностью удовлетворить. Значит, высшее благо — отречься от суеты, смириться. С другой стороны, человек наделен возвышенным и таинственным чувством сострадания; во всем вокруг он видит и узнает себя, в чужих бедах ощущает свое несчастье. Именно сострадание направляет человека на исполнение своего долга перед людьми и вообще всем живым. Мало делать хорошие поступки, надо иметь добрую волю, добрые намерения и сострадание. По убеждению Шопенгауэра, изучение нравственности несравненно важнее любых естественнонаучных исследований.

Таковы были истины, воспринятые Миклухо-Маклаем. Казалось бы, все это имело отношение к личности одного-единственного человека — Миклухо-Маклая и к очень абстрактным теоретическим достижениям. В действительности вышло иначе.

В 1844 г. была издана в Германии книга Макса Штирнера «Единственный и его собственность». В этом же году родился Ф. Ницше, имя и мысли которого будут век спустя повторяться идеологами германского фашизма. Штирнер отбросил как предрассудки идеи о сострадании, стремлении к общему благу и т. п. Заявил без обиняков: «Мое «я» для меня всего дороже. Я — Единственный! Мир — это моя собственность. Все — во мне, все — для меня. В обществе неизбежна борьба за самоутверждение. Остается или победить, или покориться. Победитель — властелин, побежденный — подвластный. И я стремлюсь к победе!»

Позже Ницше провозгласил наивысшим благом и устремлением человека — волю к власти. Доказывал существование в обществе прирожденных владык, вождей, господ и прирожденных рабов, посредством которых высшие утверждают свои цели, проявляют свою волю. (Как мы знаем, нацисты перешли от теории к практике закабаления и уничтожения представителей «низших рас».)

Вот, оказывается, каким образом в середине прошлого века можно было рассматривать нравственный выбор, который сделал Миклухо-Маклай: или сосуществование людей на основе общих высоких идеалов добра и справедливости, или стремление к власти, покорению, господству, насаждению своей культуры и своих интересов.

О том, какое значение имел этот нравственный выбор в то время, можно судить по статье «Дикарь перед судом науки и цивилизации» в газете «Восточное обозрение».

«Вопросы о низших расах и инородцах важны для человечества. Столкновение рас ознаменовывается обычно многими печальными явлениями и часто приводит к исчезновению целых племен, помимо их воли...

Мы часто слышим слова и фразы о «высших» и «низших» расах, о преимуществах одних над другими... о каком-то непреложном законе вытеснения и вымирания одних народностей и племен и сохранения других. Замечательно, что все это выдается как аксиомы науки, как дело решенное. Но читатель, вероятно, удивится, когда узнает, что все это еще не доказано наукой. О низших расах и других племенах мы еще слишком мало знаем, чтобы прийти к каким-либо выводам о природных качествах рас, тем не менее смеем произносить смертельные теории.

...В антропологии и этнологии открывается та нить родства, которая проникает во все человеческие расы и племена... С этой точки зрения единства жизни и развития, низшие расы, дикари, как и первобытные народы, составляют не выродков и не обособленные зоологические особи, а целое со всем остальным человечеством...»

Автор статьи ссылается на дикие мнения о «дикарях», существующие в полуобразованном обществе. Приводит краткий диалог Миклухо-Маклая со слушателями. На вопрос, жалели или нет дикари о расставании с ним, он ответил задумчиво:

— Жалели... И даже плакали.

— Разве они умеют плакать?— спросила наивная петербургская дама.

— Да умеют,— сказал Маклай,— но зато редко смеются.

«Этот ответ рисует целую драму инородческой души,— пишет автор.— Современная наука не может ныне рассматривать дикаря и низшие расы как только с гуманной, общечеловеческой точки зрения. Массы новых наблюдений открывают в дикаре тот же человеческий мир... Эта идея родства и единства со временем еще более озарит историю и философию жизни и укажет великий нравственный закон, по которому дитя-человек, дикарь и инородец, заслуживает не унижения, вражды и истребления, но сострадания, сочувствия, помощи и восприятия в полноправную среду человеческого братства.

Будет время — исчезнут предрассудки и суеверия... и к чести былой цивилизации восторжествует закон гуманизма, равенства и всеобъемлющей человеческой любви».

Как мы знаем, эти оптимистические предсказания не сбылись: в первой половине «просвещенного» и высоко оснащенного научно и технически XX в. разразились самые кровопролитные в истории войны. И, как ни удивительно, Миклухо-Маклай предвидел такую возможность. Он точно указывал, что прямой путь ведет от признания «избранных» рас к признанию «избранных» народов, общественных групп, государств. Он писал А. А. Мещерскому:

«Возражения, в роде того, что темные расы, как низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности «идеального человека», высшей и более сильной, мне кажется, требуют еще многих и многих доказательств. Допустив это положение, извиняя тем истребление темных рас (оружием, болезнями, спиртными напитками, содержанием их в рабстве и т. п.), логично идти далее, предложить в самой белой расе начать отбор всех неподходящих к принятому идеалу представителя единственно избранной белой расы для того, чтобы серьезными мерами помешать этим «неподходящим экземплярам» оставить дальнейшее потомство, логично ратовать за закон: чтобы всякий новорожденный, не дотягивающий до принятой длины и веса был устранен, и т. п.»

Вот так далеко вперед видел Миклухо-Маклай! Опытом своей жизни он опровергал позднейшие выводы расистов (а ведь расизм, как известно, не изжит окончательно до сих пор). Именно опыт личной жизни, а не теоретические измышления оказался наиболее веским, неопровержимым аргументом в пользу идей Миклухо-Маклая. Это хорошо понимали, как мы

уже знаем, многие представители тогдашней русской общественности. Хочется привести очень показательное высказывание петербургского корреспондента одной из харьковских газет, опубликованное осенью 1882 г.

«Нам приходилось иногда слушать в обществе сомнения в научных заслугах знаменитого путешественника... Нам кажется, что такая излишняя осторожность в оценке заслуг Миклухо-Маклая, осторожность в признании его прав на благодарность и уважение современников, не имеет никаких оснований... В данное время мы видим в нем человека, бескорыстно употребившего много лет своей жизни на служение идее, на служение науке, не остановившегося ни перед опасностями, ни перед трудностями для осуществления своих намерений, пламенно стремившегося к знанию, откинувшего всякие эгоистические, житейские заботы и помышления. Эта высокая преданность своему делу, это бескорыстное самоотвержение для научных целей, одно дает право отнести его имя к числу лиц, знаменитых своим служением идее, даже независимо от результатов его трудов...»

Это заявление может показаться спорным: о деятельности ученого судят прежде всего по результатам его трудов. В науке ценятся конкретные открытия. Надо ли распространяться о его личных качествах, взглядах на жизнь? Это ведь имеет к науке, вроде бы лишь косвенное отношение.

Так представляется только на первый, очень поверхностный взгляд. В действительности дело обстоит значительно сложнее. Да и науки бывают разные. Скажем, И. Кант разделял их на две группы: науки о человеке (гуманитарные; человековедение) и обо всей остальной природе (естественные; природоведение; сюда же можно отнести технические науки). И если у нас идет речь о представителе наук гуманитарных, то его пример, его поведение — это тоже факты человековедения. Потому что человек определяется не столько словами, сколько поступками и целями.

...Один физик как-то пошутил: «Ученый — это человек, удовлетворяющий свое любопытство за счет общества». В шутке есть доля истины. Ученый-теоретик стремится познать законы природы и часто совершенно не заботится о практическом воплощении своих идей. Однако давно уже было отмечено: ничего нет практичнее хорошей теории. Удовлетворяя свою любознательность, теоретик приносит пользу людям. Его идеи рано или поздно найдут применение.

Все это в наиболее простой и ясной форме относится к наукам естественным и техническим. Мы узнаем природу, получая возможность использовать ее богатства (для этой цели создаем технику). Так, человек, познавая природу, покоряет ее.

А вот возможности практического использования гуманитарных наук не так очевидны. Какая реальная польза от антро-

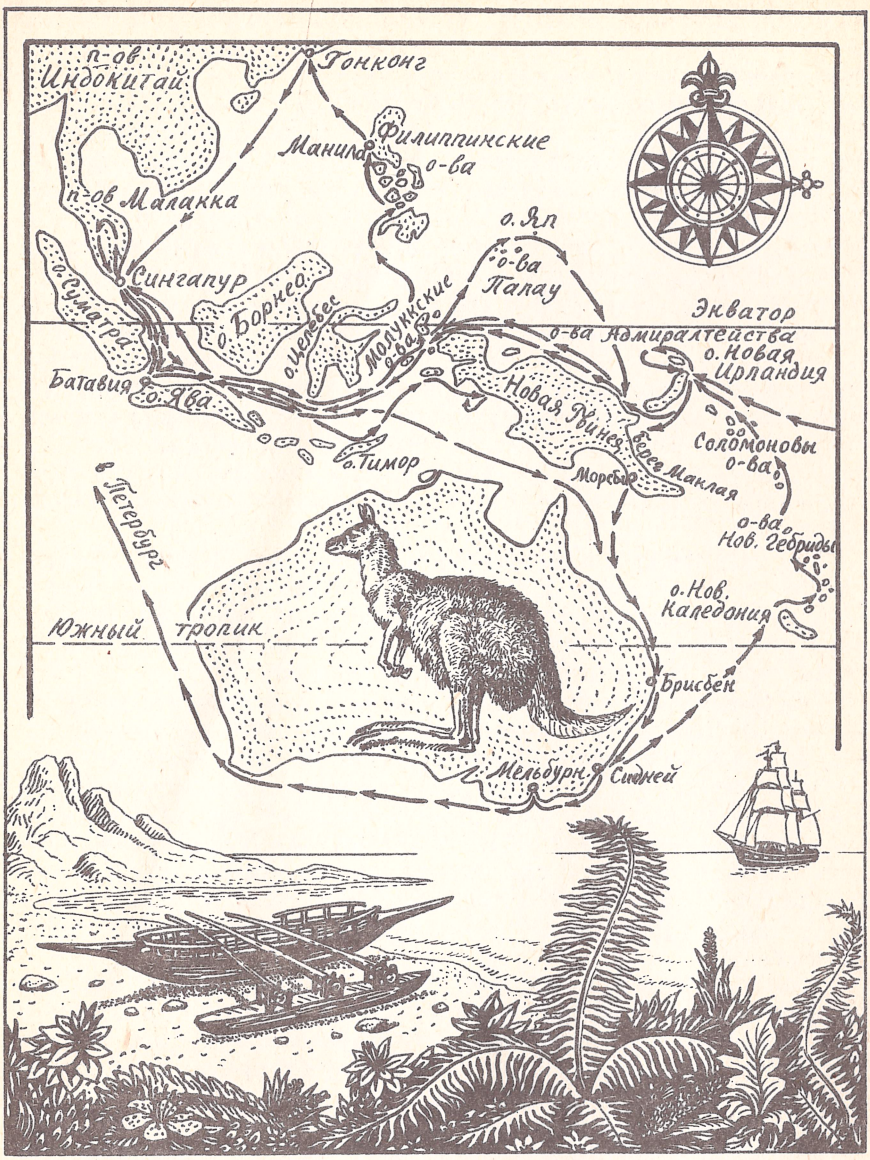


Рис. 21. Схема путешествий Миклухо – Маклая.

пологии? От этнографии? Языкознания? Истории? Какие материальные блага можно получить от этих наук? Предположим, обмерили сотни, тысячи черепов, описали разные расы, в точности выяснили некоторые события далекого прошлого. И что дальше? Больше появится железа и нефти, домов и мебели, мяса и зерна? Нет, конечно. Материальные богатства предоставляет нам природа (и труд человека). Наиболее прославленные в нашем веке достижения связаны с покорением космоса и покорением атома, а из ученых всемирная слава у Циолковского, Эйнштейна, теоретически обосновавших эти практические свершения...

Но вот два высказывания этих людей. Эйнштейн: «Ученые в поисках истины не считаются с войнами». Циолковский: «Этика космоса, то есть его сознательных существ, состоит в том, чтобы не было нигде страданий...» Выходит, ученый может — хотя бы невольно — способствовать войнам, увеличивать страдания? Да. Кто не знает о межконтинентальных ракетах с ядерными боеголовками, нацеленными на мирные города? Величайшие научно-технические достижения нашего века можно употребить для разрушения, для истребления всего живого. Именно поэтому сохранение мира признается в нашей стране важнейшей задачей современности. А для того чтобы использовать достижения естествознания и техники на благо людей и жизни, для взаимопонимания между народами и государствами, для понимания человека и его роли в природе совершенно необходимо человековедение. Вернее, как пророчески писали К. Маркс и Ф. Энгельс, требуется осуществить синтез наук о природе и наук о человеке в единую науку (Из ранних произведений. М., 1956, с. 596). Не победа над природой — а единство с природой, не угнетение и покорение народов и государств — а мир и взаимопонимание. У современных людей иного выбора нет.

Прежде, в конце прошлого и начале нынешнего века, об этом задумывались немногие. Капиталистические государства в острой конкуренции (в «борьбе за существование») стремились предельно увеличить свою техническую мощь. Только господство! Горе побежденным! Таково было веление времени. И вполне закономерно, что в это время не пользовались широкой популярностью имена таких ученых-гуманистов, как Н. Н. Миклухо-Маклай. Имя его наиболее громко и значимо прозвучало в нашей стране через 50 лет после смерти ученого.

В то время фашистская государственная машина обретала колоссальную мощь с целью процветания и господства немногих наций и общественных групп за счет порабощения, угнетения «низших рас» и «недочеловеков» (к ним вожди фашизма относили большинство людей земного шара). Именно тогда со всей очевидностью выявилась гениальная прозорливость русского ученого, предупреждавшего некогда:

от расовых предрассудков прямой путь к угнетению и уничтожению не только иных рас, но и значительной части собственного народа; можно избежать многих несчастий, если правительства цивилизованных государств будут осуществлять и добиваться осуществления прав человека и международных договоров.

15 апреля 1938 г. на торжественном собрании, посвященном памяти Миклухо-Маклая, все выступавшие — видные советские ученые особо подчеркивали актуальность опровержения им «расовой теории», лежащей в основе идеологии фашизма. Председатель Географического общества академик Н. И. Вавилов, в частности, сказал: «Помимо большого числа трудов, являющихся нередко фундаментом знания о первобытных народностях, заселяющих острова Тихого океана, Миклухо-Маклай был великим гуманистом. Вся жизнь его была посвящена изучению этих народностей и защите их прав».

Президент Академии наук В. Л. Комаров сказал: «В человечестве время от времени рождаются люди, которые, не занимая никакого особо видного положения среди своих современников, не обладая никакими большими средствами, своей целеустремленностью, своим умением добиваться поставленной раз и навсегда задачи день за днем, минута за минутой проводят ее в жизнь и выделяются настолько, что имена их делаются общим достоянием... зовут к более полной жизни, к более высоким достижениям, к чему-то такому, что... заставляет верить в блестящее будущее человечества».

Было бы не совсем верно считать подобные высказывания запоздалым признанием заслуг великого путешественника и замечательного человека. И при его жизни, как мы уже знаем, некоторые проницательные люди — к сожалению, преимущественно не из числа ученых — ясно понимали значение научного подвига Миклухо-Маклая. В сентябре 1886 г. тяжело больной Л. Н. Толстой написал Миклухо-Маклаю:

«Меня... умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе... Люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том и насилующие и насилуемые, что это уродливое отношение людей не только между людоедами и христианами, но и между христианами есть самое нормальное. И вдруг один человек... является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший абсурд, от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно...

Мне хочется вам сказать следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом... Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу,— в науке о том, как жить людям друг с другом...»

Письмо это много значило для Миклухо-Маклая. Слова признания и восхищения от великого писателя, мыслителя — награда очень высокая. Миклухо-Маклай не был честолюбцем, не добивался популярности среди широкой публики. Однако заметное пренебрежение к его исследованиям со стороны многих ученых приносило ему немало огорчений. Вдобавок 1886 г. был для него несчастлив. Газеты с издевкой писали о его деятельности и проекте русской общины в Океании.

Он даже внешне сильно изменился, постарел: худое лицо пожелтело, покрылось морщинами, в волосах ясно проступила седина, в облике сквозила усталость. И только вспоминая свои путешествия, он оживлялся, голос его твердел, взгляд становился ярким, движения — энергичными. А в конце года царь полностью отверг его проект: «Считаю это дело конченым. Миклухо-Маклаю отказать».

Моральная поддержка Л. Н. Толстым была очень и очень кстати для Николая Николаевича. В письме Толстой, между прочим, признавался: «...я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами». И все-таки, отвечая Толстому, Миклухо-Маклай счел нужным оговориться, что не разделяет взгляд великого писателя на науку как второстепенную область деятельности: «Разумеется, я не буду возражать на Ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать». Тем не менее даже в научном плане мысли Толстого оказались созвучны взглядам ученого. Он и сам отзывался о своих коллекциях так: «...коллекция моя сравнительно бедна, так как цель моего путешествия была не собирание коллекций, а изучение нравов дикарей»; она «имеет назначение главным образом представить аксессуары жизни так называемого «каменного» периода, который исчезает на глазах».

Автор интересной книги о Миклухо-Маклае Б. Н. Путилов пишет: «Письмо Толстого во многом способствовало решению ученого широко ввести в описания путешествий моменты «личные», «субъективные», «характеризующие мои отношения к туземцам».

Не менее важно другое: научный подвиг Миклухо-Маклая произвел большое впечатление на Толстого. Уже после смерти ученого Лев Николаевич записал в своем дневнике за 1897 год: «Читал о действиях англичан в Африке. Все это

ужасно... Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать». Он отмечал с огорчением: «Его у нас не оценили...» «Ах, что это был за человек!»

Незадолго до своей смерти Миклухо-Маклай получил от Л. Н. Толстого письмо и фотографию (заметим: Лев Николаевич редко и неохотно дарил свои фотографии). Это письмо Миклухо-Маклай ожидал давно и принял с огромной радостью.

Ученый и писатель оказались единомышленниками, собратьями по самой необходимой науке для человечества: науке о том, как жить людям друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НАУКА И УЧЕНЫЙ

Все научные материалы можно подразделить в две группы: факты (результаты наблюдений, опытов) и обобщения, теории, гипотезы. Гипотезы (предположения) — наиболее изменчивы и наименее доказаны. Теории — стройные логичные умозаключения, основанные на фактах, могут неизменно существовать и пользоваться популярностью десятки, а то и сотни лет. Однако новые фактические материалы заставляют дополнять, уточнять или даже отвергать научные теории.

Факты — наименее изменчивая, фундаментальная часть науки. Об этом прекрасно сказал великий физиолог И. П. Павлов: «Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого, без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши теории — пустые потуги».

В это же время добывание фактов — занятие не только трудное и ответственное, но и не сулящее громкой славы и быстрого признания. Так вот, Миклухо-Маклай как ученый посвятил себя прежде всего «воздуху ученых» — фактам. В этом его огромная заслуга.

Он оставил после себя не слишком обширное научное наследие. Но оно почти целиком вошло, что называется, в золотой фонд науки. Его антропологические и этнографические материалы по Новой Гвинее специалисты признают лучшими, наиболее достоверными из того, что вообще было написано о папуасах. Он немало сделал для изучения и распространения некоторых видов растений и животных Новой Гвинеи; его именем названы два вида плодовых растений тропиков: Musa Maclayi и Bassa Maclayna. Его наблюдения по сравнительной анатомии мозга животных и человеческих рас сохраняют свое значение. Очень высокой оценки заслуживают его коллекции и большое количество великолепных рисунков, запечатлевших культурные достижения и облик людей каменного века.

Миклухо-Маклая отличало редчайшее единство личных качеств и научных достижений.

«Самое характерное для Миклухо-Маклая,— писали антрополог Я. Я. Рогинский и этнограф С. А. Токарев,— это поразительное сочетание в его лице черт смелого путешественника, неутомимого исследователя-энтузиаста, широко эрудированного ученого, прогрессивного мыслителя-гуманиста, энергичного общественного деятеля, борца за права угнетенных колониальных народов. Подобные качества порознь не составляют собой редкости, но сочетание их в одном лице — явление совершенно исключительное».

С этим высказыванием смыкается другое, принадлежащее И. И. Пузанову: «Уже в первых работах Миклухо-Маклая ярко сказываются черты, характеризующие его как научного работника: удивительная добросовестность, аккуратность и точность выполнения, точность и лаконичность в изложении результатов работы и, вместе с тем, оригинальность и огромная самостоятельность с самых первых шагов, порой ведущие к ошибкам, порой прокладывающие новые пути.

Можно утверждать: характерное для Миклухо-Маклая подчинение всех научных тем (даже биологических) одной руководящей теме — изучению человека, его культуры и экономики, гораздо более созвучно нашей советской эпохе, чем временам, когда жил М.-М. и когда культивировалась и уважалась лишь «чистая» наука».

Н. Н. Миклухо-Маклай никогда не позволял себе опускаться до добывания себе материальных благ посредством науки, официальных чинов и званий, до потакания расхожим мнениям или авторитетным специалистам. Он утверждал:

«Самое лучшее, что «ученый» (т. е. такой, который действительно смотрит на науку как на цель жизни, а не как на средство) может сделать, это идти вперед своею дорогою, не обращая внимания на мнение толпы направо и налево!»

И необычайно существенно, что он утверждал это не только словами, но и делом, поступками. В хороших поучениях обычно нет недостатка. Хороших примеров несравненно меньше. Миклухо-Маклай относился к той категории людей, у которых слово не расходится с делом, которые учат жить так, как живут сами и живут так, как учат жить. Таких людей называют подвижниками. Это и есть настоящие учителя жизни.

Да, трудолюбие, проницательность, добросовестность — прекрасные качества ученого. Человечность и героизм — наивысшие проявления не только ученого, но — человека. Именно в этом — главнейшее достижение творчества и жизни Николая Николаевича Миклухо-Маклая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ	3
Глава 1.	КОНТАКТ ЦИВИЛИЗАЦИИ	4
Глава 2.	КУЛЬТУРА И ДИКАРИ	19
Глава 3.	ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	32
Глава 4.	ОСТРОВА ЮЖНЫХ МОРЕЙ	45
Глава 5.	ПОПУЛЯРНОСТЬ	56
Глава 6.	ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКЛАЯ	70
Глава 7.	НАУКА О ТОМ, КАК ЖИТЬ ЛЮДЯМ ДРУГ С ДРУГОМ	84
Заключение.	НАУКА И УЧЕНЫЙ	94

Баландин Рудольф Константинович
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Зав. редакцией И. А. Ерофеев
Редактор А. В. Мироненко
Художественный редактор Е. А. Михайлова
Технические редакторы Г. В. Субочева, М. М. Орлова.
Корректоры Л. А. Ежова, С. Ю. Фокина.

ИБ № 8561

Сдано в набор 21.02.84. Подписано к печати 11.03.85. А 12793. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. офсетная № 2. Гарнит. школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 6,13. Тираж 280 000 экз. Заказ № 854. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Смоленск-20, ул. Смольянинова, 1.

20 к.

Люди науки